СТИХИ

Е. Бернета.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

═

1837.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С.Петербургъ, 22 Февраля 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Въ типографіи А. Снѣгирева и Ко

I.

Когда ничтожество земное разгадалось:
Величіе, любовь, безсмертные труды —
Вся ложь, въ которую жизнь наша облачалась —
Низпали, какъ въ часъ бурь незрѣлые плоды;
Когда пустынная вселенная уныла,
Взоръ больше не манитъ обманами, игрой:
Еще летитъ къ вамъ духъ, полночныя свѣтила!
Пріемлетъ радостно вашъ дальный лучъ златой!

То не людской руки мгновенныя творенья,
Не тщетная мечта, условленный обманъ.
По тайному пути, какъ въ первый день рожденья,
Плывете тихо вы — тамъ, въ небѣ, — вѣчно тамъ!

Народы движутся. Не вы ль опредѣлили
Дорогу по морямъ для робкихъ ихъ шаговъ?
День колыбели ихъ, день жизни, день могилы,
Лучемъ означили на хартіи вѣковъ.

Пространство бытія не вами ль понимаемъ!
Въ васъ вѣчность безъ числа, столѣтье, мѣсяцъ, день;
Безлѣтнаго Творца лѣта ли обнимаемъ —
Все, все чрезъ васъ. — Вашъ свѣтъ не Господа ли тѣнь?
На все простертый лучь, ничѣмъ не истощимый,
Въ которомъ теплится и западъ, и заря,
Все оживляющій и самъ собой живимый —
Не малый очеркъ ли Великаго Царя?

О солнце дивное! Чѣмъ возлетаемъ ближе,
Тѣмъ болѣе твой свѣтъ невыносимъ для глазъ!
И чѣмъ смиряемся передъ тобою ниже,
Тѣмъ ты доступнѣе, тѣмъ больше входишь въ насъ.
Съ тобою вмѣстѣ быть мы никогда не можемъ,
Ты съ нами завсегда! Какъ мощь твою постичь?
Малѣйшій отблескъ твой мы вѣкъ не уничтожимъ,
Въ мгновенье можешь ты міръ въ пепелъ обратить!

Живешь, живишь, творишь, усовершаешь,
Заботишься, блюдешь матерію и тварь,
И постепенно все ведешь и возвышаешь,
Чтобъ наконецъ къ себѣ приблизить, добрый царь!

Хаосъ, потомъ земля, полмертвое растенье,
Животное, за нимъ разумный человѣкъ, —
И Ангелъ-духъ. Не то ль шесть дней перерожденья,
О коихъ Моисей намъ въ древнихъ книгахъ рекъ.

Финикіянинъ, Гвебръ, небесныя свѣтила!
Вамъ древній жертвенникъ моленій воздвигалъ,
И Бога, Коего душа всегда любила,
Подъ вашимъ именемъ, символомъ обожалъ.
Вашъ лучъ училъ его быть кроткимъ, благотворнымъ—
Лучъ, пролитый равно на добрыхъ и на злыхъ!
Онъ возвышался къ вамъ безмолвіемъ покорнымъ
И выше былъ всегда суетъ и бурь земныхъ.

О, чей же мертвый духъ не оживетъ при взглядѣ
На стройный, блещущій, великолѣпный сонмъ,
Когда плывете вы въ торжественномъ нарядѣ,
Безъ счета корабли, среди лазурныхъ волнъ!
Неслышимо текутъ сіянія потоки!
Познанье естества разносятъ по странамъ!
Величія Творца вы первые пророки!
Законы, вѣру вы предвозвѣстили намъ!

Безъ силы испытать, мы вѣримъ съ Моисеемъ:
Вы буквы яркія предназначенья книгъ;
Но жребій прочитать свой въ васъ ужъ не умѣемъ.
Для ослабѣвшихъ глазъ свѣтъ силенъ и великъ!

Такъ дивно заблиставъ, въ день таинствъ, па востокѣ,
Рожденье Вѣчнаго Младенца предрекли,
Зажгли понятіе волхвовъ въ умѣ и въ окѣ,
И къ Богу разъ еще людей вы привлекли.

Предъ бѣдствіемъ страны, предъ язвой, предъ войною,
Въ васъ, спутники судебъ, читать обыкъ народъ.
Онъ смотритъ съ дѣтскою на небо простотою,
Онъ первобытныя преданія блюдетъ.
И даже браней богъ, царствъ страшный истребитель,
Кто вѣру, родину, свободу отвергалъ,
Въ васъ покровительство, безтрепетный воитель,
И спутника себѣ какого-то искалъ.

Духъ вѣщій Байрона, мысль свѣтлая Ньютона
Любили улетать въ далекій вашъ предѣлъ;
Тотъ тайну въ васъ узналъ небесныхъ тѣлъ закона,
Тотъ въ пѣсняхъ перенялъ гармонью вашихъ сферъ.
О геніи земли! теперь вы прахъ и пепелъ,
Но посѣтили вы не тщетно бѣдный свѣтъ!
Вашъ голосъ, умъ, слова, какъ пробужденья пѣтелъ,
Гласитъ изъ рода въ родъ познанія разсвѣтъ.

И ты, поэтъ Христа, непонятый вселенной,
Сокрытый херувимъ, непризнанный пророкъ,
Царь не увѣнчанный, кому міръ удивленный,
Колѣно преклонивъ, еще не далъ вѣнокъ,

Скитаясь по странамъ бездомнымъ сиротою,
Ты спрашивалъ, вперя на звѣзды грустный взглядъ,
Крушась по родинѣ любовью и тоскою:
«Зачѣмъ въ той сторонѣ свѣтло онѣ горятъ!»

Такъ! на страданія, на муки, на надежды,
На скорбь, на жалобу, на скрытыя мечты,
Вы отзываетесь понятнымъ словомъ, звѣзды!
Небесъ нетлѣнные, алмазные цвѣты!
Друзья несчастливыхъ, наперсники влюбленныхъ,
Безмолвный съ ними вы ведете разговоръ,
Вновь согрѣваете жизнь въ персяхъ охлажденныхъ
И шлете свѣтлый лучъ на омраченный взоръ!

Такъ много прелести, спокойствія, отрады,
Такъ много тайны въ васъ, что утомясь душой
Въ страданіяхъ земныхъ, усталые, мы рады
Почить и улетѣть въ предѣлъ вашъ неземной!
Когда разсѣется то ложное видѣнье,
Что жизнію зовемъ; ударитъ смерти часъ, —
Предчувствье есть въ груди, въ душѣ есть убѣжденье:
Прекрасный новый міръ въ васъ ожидаетъ насъ.

О, если бъ было такъ! Когда бы слабость въ силу,
Когда бы смертное въ безсмертье облеклось!
Когда бъ минутное, пройдя черезъ могилу,
Для новой жизни въ васъ воскресло, родилось!

Когда бъ нашли мы тамъ, что долго здѣсь искали.
Край безъ гоненія, обмановъ, безъ оковъ,
Гдѣ міръ души цвѣтетъ, кончаются печали,
Гдѣ зло не родилось, гдѣ не умретъ любовь!

Гдѣ нѣтъ сомнѣнія, раскаянья, заботы,
Гдѣ власти нѣтъ судебъ, препятствій вѣчныхъ мукъ,
Гнетущихъ бременемъ презрительной работы,
Окованный землей, летящій въ небо духъ;
Гдѣ ревность не мрачитъ прекраснѣйшаго сердца,
Гдѣ зависть пламенной не кипятитъ крови,
Мысль зрѣлая слита съ невинностью младенца,
Умъ полонъ ясности, грудь полная любви!

Тамъ позабудемъ мы короткій срокъ мученья.
Фіалъ страданія тамъ оторвемъ отъ устъ,
Тамъ оправдается предъ нами Провидѣнье,
Съ насъ сниметъ наконецъ всю тяжесть рабскихъ узъ;
Тогда цѣль бытія познавъ душой свободной,
Посѣвы разума [illegible]емъ и возрастимъ,
Да вѣчному Отцу за[illegible]ой многоплодной
За сѣмя доброе сторицей воздадимъ.

И блага житницу богатствомъ наполняя,
Изъ коей пр[illegible]й червь, или коварный тать.
Какъ бы[illegible]ѣ, себя чужимъ питая.
Зерна безсмертнаго не будетъ похищать.

Мы сердцемъ и умомъ взрастемъ, обогатѣемъ!
Законы: «время ждать» въ нашъ не дойдутъ предѣлъ,
Отъ коихъ часто здѣсь для слабаго слабѣемъ,
Условья общества не остановятъ дѣлъ.

Могучи истиной безъ призраковъ надежды,
Питая вѣчною любовію сердца,
Какъ небо высоки и пламенны какъ звѣзды,
Послушны волѣ лишь Великаго Творца,
По манію благой, властительной десницы,
Изъ сферы въ сферу, въ міръ изъ міра поплывемъ,
Пока приблизимся къ живящей всѣхъ денницѣ,
До цѣли, въ бытіи назначенной, дойдемъ.

II.

ДѢВИЦА ЗА АРФОЮ.

Слышишь? Страстію дыша,
Полились любви аккорды,
Святы, пламенны и горды:
Въ нихъ сказалася душа!

Облеклось въ земной недугъ
Тоновъ быстрыхъ измѣненье:
То разлуки горькій звукъ,
То ревнивое сомнѣнье!

Струны, легкій вѣтерокъ,
Раздались и замолчали:

Одиночества, печали
Нераздѣльный это вздохъ!

Какъ воздушный ароматъ,
Какъ роса на чашку розы,
Мелодическій каскадъ
Покатился: это слезы!

Въ таинство напѣвъ одѣтъ,
Усмирилась звуковъ битва:
То покорная молитва,
Отчужденія обѣтъ!

Слышишь? Стонъ и плачь глухой,
Тихнутъ, умираютъ гимны......
То предчувствіе кончины,
То прощаніе съ землей.

III.

Непроницаемыя ели,
Волшебствомъ очерченный кругъ,
Завѣса темная постели,
Гдѣ почіетъ творенья духъ!

На мховомъ распростертый ложѣ
Лежитъ властительный дикарь;
Никто его не потревожитъ,
Онъ здѣсь самодержавный царь!

Вокругъ него на стражѣ дубы
Стоятъ, безсмѣнные вовѣкъ;

Величественны, крѣпки, грубы,
Какъ первобытный человѣкъ.

Чрезъ пни и камни, быстротечный
Ручей задумчиво журчитъ,
И повѣстію безконечной
Властителя слухъ веселитъ.

Горитъ предъ нимъ фонарь двурогій
На небѣ трепетнымъ огнемъ,
Рѣка, віясь, лобзаетъ ноги,
Ихъ осыпаетъ серебромъ.

Цвѣты курятъ благоуханье;
Поутру свѣжая роса
Кропитъ и моетъ въ часъ возстанья
Сномъ отягченные глаза.

Поютъ хоръ пробужденья птицы,
Медвѣдей слышенъ ранній ревъ,
И заяцъ бѣлою зарницей
Летитъ стрѣлою межъ деревъ.

То дни покоя! Если жъ гнѣвомъ
Царя заблещутъ очеса, —
Лѣсъ наполняетъ брани ревомъ
И въ кровь бичуетъ небеса.

Озлобленной десницы взмахомъ,
Перуны сыплетъ, дождь и градъ;
Деревья, какъ рабы, отъ страха,
Ницъ распростертыя, лежатъ.

Иль вѣтви вытянувъ, какъ руки,
Въ моленьи поднимаютъ вой;
Качаются при громѣ, стукѣ;
Несутъ царю поклонъ земной.

Онъ разрушаетъ все, увѣчитъ,
Онъ гонитъ на берегъ валы,
Ломаетъ сосны, липы мечетъ
И разбиваетъ въ прахъ скалы.

Такъ ты, богатая природа!
Великолѣпна и грозна,
Когда еще твоя свобода
Людями не покорена.

Бѣжитъ отсель чертоговъ житель,
Изнѣженный, погибшій сынъ,
Тебя и братій утѣснитель,
Рабъ низкій, гордый господинъ.

Онъ здѣсь обманомъ, клеветою
Питанья на день не найдетъ,

Какъ гада, первый звѣрь стопою
Его раздавитъ, разорветъ.

Путей не сыщетъ онъ, смятенный,
Средь зеленѣющихъ болотъ;
Взоръ труса, слабый, устрашенный
Не оцѣнитъ твоихъ красотъ!

Страшна для робкаго младенца!
За то къ тебѣ, тоской дыша,
Стремится горестное сердце
И одинокая душа!

Привольно, широко здѣсь думамъ!
Мужаетъ оскорбленный духъ!
Глаголомъ ты своимъ угрюмымъ
Ему наставница и другъ!

Трудяся мыслей многоплодной,
Лишь Бога слушаясь, любя,
Тебѣ, великая! подобный
Раститъ, питаетъ самъ себя!

Страна обмана и гоненья
Не вызоветъ его опять;
Жизнь допрядетъ въ уединеньи
И ляжетъ въ нѣдра твои, мать!

Тогда отъ клеветы, отъ злости,
Трупъ утомленный успокой,
Прими отвергнутыя кости,
Дай имъ обѣщанный покой.

IV.

Тѣ дерева, подъ сѣнью коихъ
Съ тобой я сладостно мечталъ,
Когда глазъ пламенно-покойныхъ
Взоръ мнѣ на душу упадалъ,
О если бъ жизнь и власть имѣли!....
Душистой тканію вѣтвей
Насъ окружили бы, одѣли,
Навѣкъ бы скрыли отъ людей:

Безпечный, кроткій и веселый,
Какъ птица, жилъ бы я любя;
Благословлялъ бы жребій новый,
И пѣлъ бы Бога и тебя.

Тѣ вѣтры, коихъ дуновенье
Такъ часто съ робкихъ нашихъ устъ
Срывало шопотъ умиленья
И изъясненья тайныхъ чувствъ,
О если бы владѣли словомъ! .....
Гармоніей святой любви,
Сердецъ аккордомъ тихимъ, стройнымъ
Наполнили бъ страны земли!

И сталъ бы я, счастливый рокомъ,
Предъ небомъ, предъ лицемъ земнымъ,
И мученикомъ, и пророкомъ,
И обожателемъ твоимъ.

Тѣ звѣзды, коихъ свѣтъ привѣтный
Насъ дружелюбно озарялъ:
Какъ будто бъ Ангелъ взоръ отвѣтный
На взоры наши посылалъ,
О если бъ чувства наши знали! .....
Покровомъ блещущихъ лучей
Насъ облекли бы, увѣнчали,
Сравняли бъ съ высотой своей.

И чистой жертвенной свѣчею
Предъ трономъ Бога и Отца,
Надъ повсемѣстной темнотою
Горѣли бъ юныя сердца!

Но, ахъ! у всей вселенной тщетно
Я соучастья вымолялъ!
Унылый голосъ, безотвѣтный
Никто не принялъ, не слыхалъ!
Природа въ гнѣвѣ разрушаетъ
Минувшихъ памятники лѣтъ,
Вѣтръ бурный дерева ломаетъ,
Ликъ звѣздный тучами одѣтъ!

Не измѣнитъ опредѣленья
Судьбы тиранская рука;
Два сердца, въ вѣчномъ отдаленьѣ,
Источитъ горе и тоска.

=

V.

ПОДСОЛНЕЧНИКЪ.

Цвѣтъ солнца! надъ грядой печальной, обнаженной,
Стоишь уныл҄ъ . . . . . Ни благовонья розъ,
Ни стана лиліи, ни пурпура піона,
Землѣ ты не принесъ.

Блестящій гіацинтъ, и макъ съ чалмой восточной,
Душистые кусты роскошной резеды,
Фіалка скромная съ красою полуночной
Наполнили сады.

Тебя природа скудно надѣлила!
Ничтоженъ твой людьми забытый плодъ;

Ты въ запустѣлый изгнанъ огородъ:
Изрыто и черно то мѣсто, какъ могила,
Гдѣ стебель твой растетъ.

Несчастный, лѣта дни переживаешь;
И средь осеннихъ бурь, тумановъ и вѣтровъ,
Склонивъ чело къ землѣ, одинъ ты умираешь,
Послѣдній изъ цвѣтовъ.

Кто стебель твой прямой и стройный приласкаетъ,
Что отъ земли бѣжитъ стрѣлою къ небесамъ?
Въ пустынѣ, гдѣ цвѣтешь напрасно, кто узнаетъ,
Чего онъ ищетъ тамъ?

Въ пустынѣ кто пойметъ символъ, предназначенье?
Кто скажетъ, для чего высокое чело
Всегда идетъ вослѣдъ за солнечнымъ теченьемъ?
Къ лучу устремлено?

Тамъ жизнь твоя! Любовь твоя — денница;
Не въ силахъ отвратить ты отъ нея лица:
Земля, какъ ночь, грустна; міръ, — хладная темница;
Ты сынъ здѣсь безъ отца.

Къ чему тебѣ земное украшенье!
На небесахъ желанія предметъ.
Денницы носишь ликъ, ея отпечатлѣнье,
Ея лучи и цвѣтъ.

Дни бытія — дни скорби и изгнанья;
Людьми забытъ, а то отдалено,
Что крѣпко такъ и вѣчно въ день созданья
С душой сопряжено.

Нѣтъ силъ склонить къ землѣ ни взоровъ, ни желаній,
Нѣтъ крылъ взлетѣть къ манящимъ небесамъ,
Нѣтъ звуковъ высказать палящее страданье,
Нѣтъ образа мечтамъ!

Цвѣтъ солнца, бѣдный цвѣтъ, судьба твоя — терпѣнье!
Неузнанный, поблекъ, увялъ одинъ;
Земля дала тебѣ, за муки въ награжденье,
Крапиву и полынь.

И будетъ мученикъ всегдашній въ мірѣ этомъ,
Кто небо обожалъ!
Кто красотой безсмертной, вѣчнымъ свѣтомъ,
Несытый духъ плѣнялъ!

VI.

Вы такъ милы, такъ прекрасны,
Такъ невинны, добрый другъ,
Что я вами ежечасно
Услаждаю свой досугъ.
Изъ крестьянской, скучной хаты,
Гдѣ раскинутъ мой бивакъ,
Я, мечтаніемъ крылатый,
Улетаю, каждый шагъ,
Въ залу, гдѣ за фортепьяно
Любите одна сидѣть,
Въ часъ вечерняго тумана
Мой романсъ любимый пѣть.
Въ томъ романсѣ толку мало,

Но любимый мой романсъ,
Какъ печалюсь я бывало,
Пѣли вы par complaisance.
Ваша пѣсня, ваши звуки
Такъ глубоко пали въ грудь,
Что пятнадцать лѣтъ разлуки
Ихъ оттоль не украдуть.
Сверхъ того, улыбка, взоры,
Блѣдность свѣтлаго чела,
Вздохъ, рѣчей недоговоры,
Сводитъ все меня съ ума.
Я теперь въ уединеньи
Твердо самъ въ себѣ сознаЛъ,
Что отъ вѣчнаго плѣненья
Только бѣгствомъ избѣжалъ,
Что васъ должно удаляться;
Если жъ близко будемъ жить —
Восхищаться, любоваться,
А, храни Господь, любить!
«Для чего жъ бы не влюбиться!»
Но на это вотъ отвѣтъ:
Намъ нельзя перероситься,
Вы — шалунья! я — поэтъ!....

VII.

Земной любви — любовь земная
Пусть будеть сладостный отвѣтъ!
Но поцѣлуями сжигая,
Мы умерщвляемъ райскій цвѣтъ.
Испуганъ страстью, улетаетъ
Чистѣйшій херувимъ отъ глазъ;
Въ объятьяхъ жадныхъ оставляетъ
Простую женщину для насъ.

Отъ наслажденій я отрекся,
Тускнѣетъ имъ идеалъ.

Не чувства нѣгою увлекся,
Когда тебя я увидалъ!
Въ объятьяхъ юноши любова
Ихъ послѣ испытаешь ты,
Когда, унизясь до земнова,
Погубишь свѣтлыя мечты.
Увы, невѣрно упоенье!
Смѣняетъ холодъ жаръ крови;
И мнѣ ль извѣдать пробужденье
Отъ сна священнаго любви!
Ахъ, ангелъ мой! не то я жажду,
Не такъ хочу тебя любить,
Насыть груди святую жажду,
Дай свѣтъ съ тобою позабыть.
Утѣшь подчасъ меня привѣтомъ,
Смири порывъ моихъ страстей,
И будь за цѣлый міръ отвѣтомъ
Душѣ пылающей моей.
Увѣрь меня, что я недаромъ
Такъ долго, тщетно пламенѣлъ
Ничѣмъ неугасимымъ жаромъ,
Что не ошибка мой удѣлъ.

Когда мечтой блуждая горькой,
Почувствую, пойму сильнѣй,
Какъ безотрадно, одиноко,

Поставленъ я среди людей;
Когда надъ сердцемъ, недоступнымъ
Надеждѣ, — думы зашумятъ
Крылами, какъ орлы надъ трупомъ;
Воспоминанья зашипятъ,
Какъ змѣи; призраки возстанутъ,
Духъ потрясенный возмутятъ;
Предчувствія грозою грянутъ
И разольютъ печали ядъ:
Позволь тогда, въ часы терпѣній,
Съ тобой, святая! вмѣстѣ быть
И на отрадныя колѣни
Чело горящее склонить.
Тогда прими меня въ объятья,
Вздохни, заплачь со мной; скажи
Утѣхи слово; благодати,
Любви мнѣ Бога укажи.
Средь бездны — пристань будь спасенья,
Средь пропасти — надежный путь,
Средь тучь — дуга будь примиренья,
Средь мрака — счастья свѣточь будь.
О, поддержи изнеможенье
Души моей! Опять отца
Найтти мнѣ помоги моленьемъ
Въ грозящихъ небесахъ Творца!....

Но отреченьемъ произвольнымъ
Отъ міра, чувственныхъ отрадъ —
(Кого они не заманятъ!)
Быть можетъ, будешь недовольна? . . . . .
Не долго, другъ! . . . . . Мнѣ жить не вѣчно.
Не годы тотъ, лишь дни сочтетъ,
Кто жизнь, въ страданіи сердечномъ,
Какъ тяжкое ярмо влечетъ.
Пусть что люблю, то не измѣнитъ,
Пока окончу краткій вѣкъ!
Тогда тебя мнѣ Богъ замѣнитъ . . . . . .
Меня замѣнитъ человѣкъ!

=

VIII.

Стройные полки идутъ,
Золотое вьется знамя;
На штыкахъ играетъ пламя,
Барабаны громко бьютъ,
Громко бьютъ.

Изъ какихъ явились мѣстъ?
Рать могуча и богата.
Но на персяхъ у солдата
Подъ мундиромъ мѣдный крестъ.
Мѣдный крестъ!

Странно ль вамъ на то глядѣть,
Люди, алчущіе злата,
Что подъ курткой, хоть богатой,
Но чужой — родная мѣдь?
Просто мѣдь!

Это самый тотъ металлъ,
Что въ день битвы Бородинской,
Задержавъ ходъ исполинскій,
Огнь, чугунъ и смерть металъ,
Тотъ металлъ!

Это самая та мѣдь,
Что съ Великаго Ивана
Будетъ громко , безъ обмана,
Свѣту объ Руси звенѣть,
Вѣкъ звенѣть.

Стройныс полки идутъ,
Золотое вьется знамя,
На штыкахъ играетъ пламя,
Барабаны громко бьютъ,
Громко бьютъ.

Всѣмъ ли вѣрить наобумъ,
Что Европа присудила:

«Это масса! это сила!»
— Нѣтъ, Европа! это умъ,
Право, умъ!

«Власть имъ наказала долгъ,
«Двинула полки тѣ въ поле
«Человѣческая воля.»
— Ошибаетеся: Богъ!
Дивный Богъ! —

Недоступна добрыхъ высь!
Люди, къ намъ толпой идите,
Насъ послушайте, — любите....
Да, Европа! поклонись,
Поклонись!

═

IX.

Не позволяй ни одного лобзанья
Устамъ моимъ, пока толпа людей
Обуздываетъ страстное желанье
Въ несносный, долгій день!

Пока слѣдятъ пронырливые взгляды
Сплетенье рукъ, отвѣтный взоръ очамъ:
Пускай на время я лишусь отрады,
Дань обществу отдамъ.

Къ приличью строгому внимательны, послушны,
Подобно всѣмъ, день скучный проведемъ;

Обманемъ ихъ притворнымъ равнодушьемъ,
А чувства въ сердцѣ погребемъ.

И принятымъ людьми поклономъ
Простимся мы въ вечерній, тихій часъ;
Разстанемся въ молчаніи спокойномъ,
Не подымая глазъ.

Тогда душистыми кудрями къ изголовью
Склоняся, подкрѣпи днемъ утомленный духъ,
Но не проспи часъ полночи! любовью
Я заклинаю, другъ!

Не пробуди воздушною стопою
Отца, иль мать...... пройди тихонько дверь:
Ихъ не увѣрилъ я ни клятвой, ни мольбою,
А ты мнѣ, ангелъ, вѣрь!

Иди ко мнѣ....... мое не хитро сердце,
Чиста душа!...... и мнѣ ль ту искушать
На коей существѣ, какъ на лицѣ младенца,
Невинности печать!

Я буду ждать тебя въ великолѣпномъ храмѣ,
Гдѣ своды — бирюза широкая небесъ,

Гдѣ сладкіе цвѣтовъ курятся ѳиміамы,
Гдѣ стѣны — темный лѣсъ!

Тамъ милліоны лампъ негаснущихъ сіяютъ!
Тамъ хоръ духовъ неслышимо поетъ!
Безсмертные тамъ гости пролетаютъ,
Тѣней тамъ внятенъ ходъ!

Тамъ мирно все, торжественно, высоко,
Какъ двухъ сердецъ чистѣйшая любовь!
И видитъ съ небеси Всевидящее Око
Таинственный тотъ кровъ!

Для любящихъ пріютъ благословенный,
Тамъ свадебный, плѣнительный чертогъ,
Мольбами долгими, слезами умиленный,
Намъ уготовалъ Богъ!

И сядешь ты, невѣста, въ тѣнь сирени;
А я склоню, въ восторгахъ неземныхъ,
Дрожащія отъ счастія колѣни,
Поклонникъ и женихъ.

И пропоютъ гимнъ брака херувимы,
И приметъ насъ въ объятья мрака ночь!
Благословитъ тебя съ небесъ Отецъ Незримый,
Возлюбленная дочь!

Тогда я обогну вкругъ снѣжной выи руки,
Взоръ утоплю очей въ алмазную игру,
И въ родостной, невыразимой мукѣ
На пурпурныхъ устахъ повисну — и замру.

X.

РѢКА ЗИМОЮ.

Какъ весело она бѣжала
Среди зеленыхъ береговъ,
Когда денница посылала
Ей лучь съ привѣтныхъ облаковъ!

Ахъ, жизни и любви лобзанье
Рѣка въ лучѣ томъ испила,
И струй счастливыхъ сочетанье
Въ долинѣ шумно разлила!

Погасъ теперь на небѣ мрачномъ
Свѣтъ, коимъ міръ былъ оживленъ,

И потускнѣлъ кристаллъ прозрачный,
Въ холодный камень обращенъ.

Такъ нѣкогда твой взглядъ небесный
Мнѣ сердце жизнью наполнялъ,
Кипѣлъ я силою чудесной
И Бога въ пѣсняхъ отражалъ.

И было мнѣ легко боренье
Съ судьбой; былъ сладокъ мой удѣлъ;
Страданье было упоенье:
Я за тебя его терпѣлъ.

Глаза святые смерть закрыла!
На небѣ чистая душа!
Мой лучь, мой свѣтъ взяла могила,
Опору сердца сокруша.

Что въ мірѣ мнѣ осталось этомъ!
Мракъ безъ надежды, безъ лучей!
Несусь блуждающей кометой
До бездны гибели моей!

═

XI.

Умолкни, грудь! ты дышешь недостойнымъ,
Постыднымъ чувствомъ! Разорви оковы!
Эхидну-страсть смири терпѣніемъ безмолвнымъ,
Тебѣ ли пламенѣть предъ женщиной суровой?
Тебѣ ли обожать безжизненный кумиръ,
Земную освящать небесными мечтами?
Пусть въ прахъ предъ ней преклонится весь міръ,
Пусть моетъ стопъ ея подножье царь слезами,
Ты, гордая, разбейся!..... и безъ словъ
Несчастную, заблудшую любовь
Излей кровавыми струями.
Тьма вѣчности страдальцу не страшна.

Что въ жизни намъ, коль на одно мгновенье,
На безотвѣтный плачь, на муки униженья
Душа земной судьбой осуждена?.....
Но отходя въ путь безвозвратный, — здѣсь
Свой идеалъ покинуть!..... Закрывая вѣжды,
Ее увидѣть вновь — плѣнительной надежды
Съ собою въ гробъ холодный не понесть!.....
Ахъ, мнѣ ли вызывать такую смерть!
Мнѣ ль приближать жестокую разлуку!
Дыханьемъ не дышать, очей ея не зрѣть:
Что муки всѣ, предъ этой вѣчной мукой?

Міръ вѣритъ въ соотвѣтствіе любви,
Коль нѣтъ душѣ привѣта — чѣмъ увлечься?
Зачѣмъ же твой покой тревожитъ дни мои,
Зачѣмъ же холодъ твой мое сжигаетъ сердце?
Не божество ли ты, предъ кѣмъ не долженъ смѣть
Несчастный человѣкъ любовью пламенѣть?
Не херувимъ ли ты, что надъ землей пролетомъ,
Явяся, улетитъ въ безсмертныя страны;
Наполнитъ грудь людей божественной заботой,
Чтобъ къ небесамъ рвались, во слѣдъ ему, они?
Не райская ль мечта, — мгновенный духъ, — видѣнье,
Не радуга ли ты воздушной красоты,
Въ которой всѣ цвѣты, лучи и измѣненья,
Игрою случая, въ гармонію слиты.......

Нѣтъ, тщетная мечта! не утѣшай мой духъ!....
Придетъ твой избранный, сужденный небомъ, другъ
И безъ молитвъ, безъ слезъ, безъ обожанья,
Сожметъ тебя въ объятіяхъ земныхъ;
Въ даръ принесетъ тебѣ не тайны чувствъ святыхъ—
Обыкновенныя, ничтожныя желанья.....
Ревнивая душа, напрасно не ропщи!....
Окаменѣй, облейся сердце кровью,
Какъ ядомъ, отравись отверженной любовью —
О замолчи, не бейся, замолчи!.....

=

XII.

Когда тебя къ престолу Бога
Иной счастливецъ поведетъ,
Пусть у церковнаго порога
Небесный громъ меня убьетъ!

Пусть не вступлю я въ ту святыню,
Гдѣ, провѣщая благодать,
Отъ сердца — сердца половину
Жрецъ неба будетъ отторгать.

Пусть не увижу сочетанья
Двухъ душъ, на перекоръ судьбѣ,

Ни благоденствій обѣщанья
Клятвопреступницѣ тебѣ.

Умру! — Веселый гимнъ вѣнчальный
Слухъ онѣмѣвшій потрясетъ,
Мнѣ будетъ пѣснью погребальной,
Меня достойно отпоетъ!

У гроба, по концѣ обряда,
Поставя брачную свѣчу, —
Шепнешь ты: «вотъ твоя награда!
Я за любовь твою плачу!»

═

XIII.

Блескъ черныхъ глазъ потухъ; коральныя уста
Подернуты изнеможенья пепломъ;
Не сердца жаръ — болѣзнь въ твоемъ дыханьи тепломъ,
Пылающихъ ланитъ изчезла красота.
Повисли локоны съ шафраннаго чела,
Гирляндами плюща увядшаго на плечи;
Грудь, прежде гордая, печально прилегла,
И, прежде громкія, теперь чуть внятны рѣчи,
Окованъ слабостью высокій, гибкій станъ,

Утративъ живость, опустились руки;
Горящій взоръ облекъ болѣзненный туманъ:
Не лучь веселья въ немъ, а мракъ всегдашней скуки.
Кипящихъ чувствъ младыхъ въ душевной глубинѣ,
Уже не выразишь ни словомъ, ни движеньемъ, —
И зеркало лица, потусклымъ отраженьемъ,
Теперь ихъ молнію не передастъ вполнѣ.

Скажи мнѣ: кто теперь жалѣетъ о тебѣ?
Не тотъ ли, коему преступно отдалася,
Расторгнувъ клятвы всѣ, которыми клялася,
Иль тотъ, кто былъ тебѣ покоренъ какъ судьбѣ?
Счастливый вѣтренникъ боится горькихъ бѣдъ,
Онъ развлеченъ игрой любовныхъ предпріятій,
Онъ ищетъ новыхъ дѣвъ, обмановъ и побѣдъ,
И отъ твоихъ бѣжитъ болѣзненныхъ объятій.
А тотъ, кто нѣжно такъ, довѣрчиво любилъ,
Всемъ сердцемъ отдался, душею, безъ искуства,
Кто жизни цвѣтъ твоей измѣной погубилъ....
Пусть оскорбленныя въ груди схоронитъ чувства!

Зачѣмъ обманъ надеждъ?.... Не утѣшай себя:
То неизбѣжный часъ безвремянной кончины!
Благодарю судьбу, что смерть тебя губя,
Предупредила ядъ руки моей ревнивой.

Въ дни горестныхъ обидъ, мученій неземныхъ,
Злодѣйства демону я часто былъ подвластенъ;
Порывъ кровавыхъ дѣлъ прошелъ..... изъ насъ двоихъ
Лишь ты преступница — я только что несчастенъ!....

Увянь, измѣнница! Кончины пей фіалъ,
Какъ пью я чашу скорби безотрадной:
Тоскуй, томись, умри..... но радостно бы, жадно
Я съ жребіемъ твоимъ мой жребій обмѣнялъ!...

Тяжелый ропотъ, грусть — глубоко затаю,
Я не порадую тебя души мученьемъ;
На страхъ предсмертный твой, на стонъ, на смерть твою
Взгляну, какъ тигръ — съ улыбкой наслажденья!
Быть можетъ, болью въ сдавленныхъ чертахъ
Рѣзецъ раскаянья мгновенно отразится,
Услышу тихій плачь..... тогда душа въ бѣдахъ
Отрадой адскаго отмщенья упоится......
Мой страшный кладъ — трупъ охладѣлый твой
Похищу у людей, въ глуши лѣсовъ сокрою,
Его, какъ дикій звѣрь добычу, я зарою:
Чтобъ не облилъ его твой избранникъ слезой,
Чтобъ не согрѣлъ его прощальнымъ поцѣлуемъ,
Молитву теплую надъ нимъ не произнесъ,
Чтобъ только я одинъ, геенной чувствъ волнуемъ,

И жегъ, и леденилъ его потокомъ слезъ;
Чтобы одни мои проклятія, укоры
Носились бурей вкругъ и полночью, и днемъ;
Какъ червь, проникли бы могильные затворы,
Впились бы въ сердце — и остались въ немъ.

XIV.

Какъ полкъ великановъ, проходятъ скалы,
Лѣса и селенья мелькаютъ какъ сны,
Въ пространство рѣкою бѣжитъ путь далекій.

Все ново, и чуждо, и дико очамъ;
Зачѣмъ же привелъ меня къ этимъ мѣстамъ,
О путь незнакомый, о путь одинокій!

Надеждъ исполненье, минувшаго сонъ,
Какъ два твои края, сокрылъ небосклонъ,
О путь мой безвѣстный, о путь мой печальный!

Замѣнитъ ли сердцу шумъ радостныхъ встрѣчь
Покинутыхъ слезы, оставленныхъ рѣчь,
О путь мой разлучникъ, о путь мой прощальный!

И скоро ли съ пѣсней назадъ побредемъ,
И скоро ль увидимъ родительскій домъ,
О путь безконечный, о путь необъятный!

Или ты ведешь насъ тропой роковой
Въ страну безъ исхода, на вѣчный покой,
О путь мой послѣдній, о путь безвозвратный!

═

XV.

За чѣмъ толпой по улицѣ народъ
Чуть движется въ процессіи печальной?
Монаховъ хоръ таинственно поетъ
И благовѣстъ гудитъ уныло дальный?
За чѣмъ средь дня несутъ въ рукахъ свѣчи,
Пылаютъ факелы, льютъ ароматъ кадилы,
Кресты, хоругвія — спасенія ключи,
Подвиглись, шествуютъ — оружье вѣчной силы.

Идетъ одѣтый въ ризы протопопъ
И пѣвчіе, въ двухъ погребальныхъ ликахъ;

А позади высокій, красный гробъ
Колеблется на траурныхъ носилкахъ......
На скорбномъ томъ, торжественномъ одрѣ,
Завѣшенное пеленою бѣлой,
Какъ бы на жертвенномъ, священномъ алтарѣ,
Лежитъ закланное рукою смерти тѣло.

Усопшій нѣмъ, лицо его блѣдно;
Крестомъ на персяхъ хладныхъ сжаты руки,
Простертыя стопы обвиты въ полотно,
А на челѣ кончины миръ и муки.
Какъ страненъ этотъ блещущій парадъ!
Денница въ небѣ весело сіяетъ,
Поютъ пѣвцы, священники кадятъ,
И человѣкъ послѣдній путь свершаетъ.

«Годъ встрѣтивши лишь двадцать два раза,
«Куда собрался молодости лѣтомъ?
«Зачѣмъ спѣшишь, закрывъ на вѣкъ глаза,
«Ты въ міръ другой, не живши въ мірѣ этомъ?
«Зачѣмъ въ холодный гробъ такъ рано слегъ,
«Не сжалился надъ братскими слезами!
«Въ далекій путь отходишь, одинокъ,
«И покидаешь насъ, несчастныхъ, сиротами!

Такъ сѣтуютъ пріятели, родня
И прослезился самъ Христа намѣстникъ,

Рыдаютъ всѣ — не плачу только я,
Усопшаго другъ вѣрный и наперсникъ.
Дрожащею, но твердою рукой,
Сжимавшею такъ часто его руку,
Надъ упокоенным крестъ сотворивъ святой,
Благословляю горькую разлуку......

Я зналъ его, жилъ долго вмѣстѣ съ нимъ,
Любилъ умъ зрѣлый, доброту младенца,
Я облегчалъ, лишь я лѣчилъ одинъ
Кровавое. растерзанное сердце.
Я раны врачевалъ росою дружнихъ слезъ,
Духъ подкрѣплялъ въ борьбѣ изнеможенной,
И нѣсколько сберегъ отрадныхъ розъ
На нивѣ жизни, бурей обнаженной.

И за одно добра пустой фантомъ
Питали мы слезами, потомъ, кровью;
Какъ медленно снѣдающимъ огнемъ,
Горѣли жаждою къ познаньямъ — и любовью;
И за одно сносили мы труды.
Какая жъ намъ за нихъ награда, слава?
Мнѣ — горькіе, тлетворные плоды,
Ему — нежданная, смертельная отрава!

Къ чему же слезы, нареканье, стонъ,
О чѣмъ жалѣете и плачете вы, люди!
Иль не вполнѣ позналъ страданье онъ,
Иль мало язвъ на охладѣлой груди?.....
Не плачу я...... пускай тебя несутъ,
Не обойти дороги неминучей!
На свѣтѣ пилъ ты горестей сосудъ, —
Ступай, мой братъ! тебѣ **тамъ** будетъ лучше!

XVI.

Теперь она давно почила,
И думы дѣвственной души
Ночь благотворно усыпила
Въ своей хранительной тиши.
Грудь пламенную прикрываетъ
Сонъ прохладительнымъ крыломъ,
И кто всю ночь объ ней мечтаетъ,
Она не думаетъ о томъ.
Я не желаю пробужденья:
Священъ младенца тихій сонъ!

Но пусть ей въ сердце сновидѣньемъ
Мой образъ будетъ впечатленъ!
Пускай играетъ въ нѣжномъ слухѣ
Мой шопотъ, страстiю дыша,
Пусть разольется въ кроткомъ духѣ
Моя кипящая душа.
Пускай горятъ на ней лобзанья
Моихъ засохшихъ, страстныхъ устъ.
Два сплавятся существованья
Въ одинъ потокъ сладчайшихъ чувствъ.

XVII.

Уже твоя грудь округлилась,
Вполнѣ высокій станъ развитъ,
Чело кудрями осѣнилось
И пурпуръ на устахъ горитъ.

Полно живое сердце чувства:
Но робость дѣвственной души
Не знаетъ труднаго искуства
Превозмогать его въ тиши,

Сама себя не понимая
Восторгъ желаешь раздѣлить,
Который грудь переполняя,
Въ ней пламеннымъ ключемъ кипитъ.

Уже безлюдіе, тоскуя,
Своимъ подругамъ предпочла:
Неполноту ихъ поцѣлуя
И слабость ласкъ ихъ поняла.

Вчера надъ спящею рѣкою
Сидѣли ночью мы вдвоемъ:
По прежнему рука съ рукою,
Какъ братъ съ сестрой, дитя съ отцомъ.
Глядѣлъ я на струю безмолвно —
Какъ наша жизнь она лилась —
Вдругъ трепетъ пальцевъ, вздохъ неровный,
Меня проникнулъ и потрясъ.......
И наши повстрѣчались взгляды:
Какой-то огненной слезой,
Какой-то жадною отрадой
Былъ полонъ взоръ стыдливый твой.

Безъ словъ, въ немъ чувства выражались;

Въ немъ мысли счастія, тоски —
Текли, дрожали, отражались,
Какъ звѣзды въ зеркалѣ рѣки.
Какъ солнце южное въ день знойный
Меня онъ свѣтомъ обливалъ,
Онъ сонъ души моей спокойный,
Онъ жизнь и сердце пробуждалъ.

Любви забытыя мечтанья
Вливались въ хладное чело,
Когда горячихъ устъ дыханье
Въ лицо мнѣ вѣяло и жгло;
Когда шелковыя рѣсницы,
Полупрозрачной пеленой,
На влажныя твои зеницы
Упали томно предо мной......

Желаній солнца — нѣги въ волны
То былъ таинственный закатъ!
Мгновеніе, когда безмолвно
Душа съ природой говорятъ!
Луна и чувства свѣтятъ ярко,
А страсть и ночь бросаютъ вдругъ
Непроницаемый и жаркій
Покровъ на міръ, на взоръ, на слухъ......

То часъ ударилъ сочетанья
Двухъ душъ въ небесное одно,
Когда двоимъ существованье
И удвояемъ бытіе.......
Восторгъ, вселенной современный,
Но вѣчной новостью богатъ!
Невыразимый, безъимянный —
Для всѣхъ понятенъ, вѣренъ, святъ.

То срокъ насталъ, когда мерцанье
Небесъ лазурныхъ; тишина
Безмолвной ночи; трепетанье
Роскошныхъ персей; мракъ, луна,
Порывы чувствъ, души смятенье,
Огонь въ глазахъ, въ мечтахъ, въ крови —
Зовутъ насъ въ область упоенья,
Насъ топятъ волнами любви!

Зачѣмъ же этотъ зовъ иному
Не о блаженствѣ говоритъ,
Но въ грудь, подобно громовому
Удару, молніей летитъ?
Зачѣмъ же эти волны нѣги,
Подъ бурей неизбѣжныхъ думъ,
На дальные, чужіе бреги,
Какъ бѣдный челнъ — уносятъ умъ?....

И память, призракъ неотступный,
Льетъ въ поцѣлуи — смерти хладъ,
Въ грудь тихую — испугъ преступный,
Въ тьму ночи — скорбь, а въ счастье — ядъ!.....

Тогда отдернула ты руки,
Кругомъ очами обвела
Тоскливо........ и въ раздумьи скуки
Къ себѣ домой одна пошла.....

Дитя! когда привычка, годы,
Твой полъ, огонь, чѣмъ грудь горитъ,
И рѣзвость дѣвственной свободы
Въ уединеньи насъ роднитъ, —
Когда, объ общемъ счастьи съ думой,
Твоя довѣрчивая мать
Глядитъ на насъ..... твой другъ угрюмый
Другое долженъ предпринять .....
Дитя мое! слеза прощанья,
Простаго сожалѣнья стонъ,
Взглядъ, невеселый безъ страданья, —
Вотъ все, чего желалъ бы онъ!.....

Прости...... (хотя и не безъ горя
Разсудокъ сердце побѣдилъ) —

Удѣлъ судилъ, чтобъ жизни море
Одинъ, одинъ я переплылъ.....
Нѣтъ, для мечтательной отрады
Не обовью тебя змѣей,
Лобзаньемъ не волью въ грудь яды,
Не выпью изъ нея покой!......

═

XVIII.

Румянецъ розовыхъ щекъ,
Глаза, какъ младенца, живые.....
Когда бъ я предаться имъ могъ,
Быть можетъ, я былъ бы счастливый!

Когда бъ неподвластный разливъ
Чувствъ, въ груди бунтующихъ вѣчно,
И сердца тревожнаго взрывъ
Сковать могъ я жизнью безпечной;

Когда бы мечтаній міры,
Безчисленнѣй класовъ надъ ни свой.
Фантазіи буйной пиры
Въ тебѣ я вмѣстить могъ единой;

Когда бы бездонность страстей,
Догробную жажду желанья,
Наполнилъ я лаской твоей,
Насытилъ амврозьей лобзанья;

Когда бы въ тебѣ, о дитя!
Слилъ жизнь всю: восторги и горе.. ...
Но можно ли въ каплю дождя
Вмѣстить безпредѣльное море!

Но можно ли дерзостный духъ,
Парящій къ дѣламъ, не къ покою,
Смирить и ослабить..... и кругъ
Чертить ему волей земною!......

Подставь лучше молніи грудь,
Гонись за блудящей кометой,
Несися за бурею въ путь,
Влюбляйся въ трупъ, въ саванъ одѣтый.

Меня же покинь, убѣги!
Въ другомъ сыщешь чувства награду:
Мои одиноки шаги
Въ дорогѣ — и къ небу, и къ аду.

XIX.

Разсѣкая вѣтръ нагорный
Дерзкимъ, радостнымъ крыломъ,
Вьется воронъ. Ободъ черный
Пишетъ въ небѣ голубомъ.

Далеко подъ нимъ чертоги
Царедворцевъ и князей:
Что ему предметъ тревоги,
Страха, зависти людей?

Потонули въ дымѣ храмы,
Гдѣ святынѣ неземной
Воскуряютъ ѳиміамы
Люди бренною рукой.

О туда бъ, туда бъ достигнуть,
Гдѣ моленій ихъ предметъ.
Въ облакахъ узнать, постигнуть
Отъ людей сокрытый свѣтъ.

Вьется воронъ выше, выше......
Гдѣ пріютъ ему сыскать?
Видно на небесной крышѣ
Будетъ птица отдыхать!

Встрѣчу бури, холодъ, тучи,
Тьма, борьба стихій, хаосъ.
Бѣдный воронъ! умъ кипучій
Далеко тебя занесъ!

Тщетны крики и усилья,
Недоступна птицѣ высь:
И въ отчаяньи, сжавъ крылья,
Камнемъ ринулся онъ внизъ.

Для чего раставшись. съ вѣткой,
Ты искалъ чужихъ небесъ?....
Пали горестной замѣткой
Кровь и перья на утесъ.

Подъ утесомъ шелъ прохожій
И сказалъ, склонясь лицомъ:
«Какъ мечтанья жизни схожи
«Птицы съ бѣдственнымъ концомъ!»

═

XX.

Едва сомкнулъ глаза — и снится мнѣ, что ты
Внезапно появясь, какъ лучь средь темноты,
Вся въ бѣломъ, подошла тихонько къ изголовью,
На блѣдное чело склонилася съ любовью,
Къ груди приникнула, вкругъ шеи обвилась,
Рыдая, умереть со мною поклялась;
И съ непонятной мнѣ тоскою, иступленьемъ,
Тревожила мой слухъ какимъ-то страннымъ пѣньемъ;
Уныло голосъ твой и дико мнѣ звучалъ,
Какъ горсть земли на гробъ — на сердце упадалъ!....

Ты пѣла, что для насъ срокъ счастія ужъ минулъ,
Что я тебя забылъ, отвергнулъ и покинулъ;
Здѣсь каждая душа съ другой сопряжена,
Лишь ты въ толпѣ существъ осталася одна;
Что міръ сталъ для тебя безцвѣтной, грустной степью —
Ты жизнью скована, какъ тягостною цѣпью —
Зачѣмъ же хладное, напрасное звено,
Безжалостной судьбой съ тебя не сорвано?
Зачѣмъ покинута средь горестной Вселенной,
Забытымъ колосомъ — на нивѣ обнаженной!
Потомъ молила ты, чтобъ бросивъ тьму могилъ,
Къ тебѣ, хотя на мигъ, мой призракъ приходилъ,
Шептала: бѣдный другъ! Между людей преданье,
Что съ смертію всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей окончанье,
Что вопль не потрясетъ оледенѣлый слухъ:
Мертвецъ, на прозьбы всѣ, недвижимъ, нѣмъ и глухъ;
Но я, страдалица, я чудо совершу, —
Любовію тебя изъ гроба воскрешу! . ...
Всё у меня отнявъ навѣкъ, безъ возвращенья,
Богъ не откажетъ мнѣ въ послѣднемъ утѣшеньѣ —
Душою, жизнію я подѣлюсь съ тобой,
Полмертвую прижмётъ вновь къ груди полживой.

Но если на всегда тебя уже лишаюсь,
Прощаяся теперь, съ тобой навѣкъ прощаюсь!
Но если ни печаль, ни стонъ, ни заклинанья

Съ устъ сжатыхъ не сорвутъ угрюмаго молчанья!....
Ужель такъ хладенъ домъ, въ который вводитъ смерть,
Что сердце вѣрное въ нёмъ можетъ охладѣть?
Подруги гибнущей, одной въ пустыняхъ свѣта,
Ужель оставишь плачъ безъ ласки и отвѣта? —
И мирно будешь спать, и не откроешь глазъ
На зовъ отчаянья, послѣднихъ мукъ на гласъ?....
Тогда — покровъ земли, палящею слезой,
Проникну, — и прожгу твой саванъ гробовой! —
Или, печальная, въ кустъ обратясь полынный,
Покрою горечью твой грустный холмъ могильный;
И буду я на нёмъ, безсмѣнный стражъ, стоять,
Листами блѣдными прахъ милый одѣвать!
Крестъ чорный обовью, засохну и истлѣю,
Смѣшаюся съ землей — и съ перстію твоею.

═

XXI.

КЪ КОНЮ.

Ахъ ты конь мой, добрый конь,
Лошадь вѣрная моя!
Занеси меня въ огонь,
Утопи въ водѣ меня!
Иль въ лѣса направя путь,
Раздроби объ пень мнѣ грудь,
Иль объ камень, средь степей,
Буйну голову разбей!

Равно двадцать пять я лѣтъ
Безотрадный видѣлъ свѣтъ:
Въ нёмъ бродилъ хозяинъ твой
Горемыкой, сиротой.
Приглядѣлся скучный міръ,
Опротивилъ жизни пиръ;
Утомились сердце, грудь —
Время, время отдохнуть!

Въ страшныхъ сѣчахъ молодцомъ
На тебѣ, товарищь мой,
Пуль, картечей подъ дожжемъ,
Легкой я леталъ стрѣлой.
Много сильныхъ, молодыхъ
Полегло въ краяхъ чужихъ;
Я хоть жизни не жалѣлъ,
А на горе — уцѣлѣлъ!

Помнишъ теремъ подъ горой,
Тайною куда тропой,
Каждую, бывало, ночь,
Мчалъ меня во всю ты мочь, —
И откуда, сквозь туманъ,
Какъ бы чувствуя обманъ,
Ржаньемъ, кованной ногой
Звалъ хозяина домой?

Ахъ, волшебный блескъ очей
Умъ не долго ослѣплялъ!
Мало счастливыхъ ночей
Я на бѣлой груди спалъ!
Клятва женская — легка,
Вѣрность женская — ломка —
Я кроваво отомстилъ......
Но любви не воротилъ!

Ты одинъ не измѣнялъ!
Я съ тобой не горевалъ,
Былъ бы сѣна тебѣ клокъ!
Былъ бы хлѣба мнѣ кусокъ!
Заповѣдные луга
Я топталъ съ тобой, слуга!
Смерть гналася...., сколько разъ
Ты меня отъ смерти спасъ!

А теперь, мой добрый конь,
Лошадь вѣрная моя,
Занеси меня въ огонь,
Утопи въ водѣ меня!
Иль въ лѣса направя путь,
Раздроби объ пень мнѣ грудь,
Иль объ камень средь степей
Буйну голову разбей!

Самъ же, въ поле, безъ узды,
Разгуляйся безъ нужды! —
Ржаньемъ раскажи твоимъ —
Другамъ, не другамъ моимъ,
Что я умеръ...... Что мой трупъ
Вороны, орлы клюютъ,
Черви точутъ, звѣри рвутъ,
Моетъ дожжикъ, волны бьютъ......

=

XXII.

I.

Пышенъ балъ...... какъ сотни лунъ, кинкеты
Въ благовонномъ сумракѣ горятъ;
Дамы въ радугу, въ лучи одѣты,
Кавалеры въ траурной нарядъ.

Инструментовъ огненные звуки
Льютъ веселье и забвенье въ кровь,
Подали, сплели танцоры руки,
Въ взглядахъ чувство, на устахъ любовь.

Власть приличья! — власти нѣтъ закона!
Ближе, свѣтомъ раздѣленныя сердца!
Громче, громче, пѣсня котильона!
Балъ продлись до гроба, до конца.

Упивайтесь узники свободой!
Лишь теперь ревнивый, звѣрскій мужъ,
Между душъ, обвѣнчанныхъ природой,
Не вползётъ, какъ ненавистный ужъ.

Быстры, быстры, сладкіе досуги!
Юноша, продли счастливый пиръ!
Даже память счастья изъ подруги
Высосетъ соперникъ, какъ вампиръ!

Тайнымъ воплямъ женщинъ — нѣтъ участья!
Слезы ихъ — подушка только пьётъ!
На насильственной кровати сладострастья
Въ эту жъ ночь ее, какъ змѣй, онъ обовьетъ!

Громче, громче, быстрое аллегро!
Въ танцахъ нѣтъ покорности судьбамъ!
Кавалеры, чорные какъ Негры,
Майскихъ бабочекъ ловите — дамъ.

II.

Вотъ идетъ воздушная блондинка,
Медленна, какъ облако свѣтла;
Не дрожитъ на персяхъ пелеринка,
Эту грудь еще любовь нежгла.

Плечи, шея набожно одѣты,
Ножка скрыта длинною полой,
Волосы, какъ лучь златой кометы,
Блещутъ длинной, развитой косой.

Свѣтъ очей — свѣтъ утренняго неба,
Голосъ — дѣтской звучностію милъ........
Видно, нектаръ устъ твоихъ, о Геба!
Смертный, въ тайнѣ избранный, не пилъ!

Страсти, жизни! счастья и мученья!
Искру, искру дѣвственной крови!
Этотъ воскъ всѣ приметъ впечатлѣнья
И разтаетъ въ нѣгѣ и любви.

А за ней съ веселыми очами,
Съ Ангельской улыбкой на устахъ,
Вьется, рѣзвится между гостями,
Дѣвушка, въ лазури и цвѣтахъ.

Херувимъ безпечный, кроткій, милый!
Твой невинный, простодушный видъ
Непонятной, неизбѣжной силой
Каждаго согрѣетъ, умилитъ.

Всякій глядя на тебя пріятно
Вспомянетъ младенческій свой вѣкъ,
Что такъ сладко, быстро, невозвратно,
Незамѣтно, на всегда протекъ!....

Ты счастливѣй, цвѣтъ мгновенный мая!
День, который не покроетъ ночь!
Ляжешь въ землю, жизни не узная,
Не извѣдавъ горя, неба дочь!

Но важнѣе раздались акорды —
Зазвучали и замолкли вдругъ. .....
Поступью небрежною и гордой
Входитъ дама въ изумленный кругъ.

Взгляды полны страсти и заразы;
То померкнутъ, — то яснѣй горятъ,
Чѣмъ на шеи снѣговой алмазы.....
Духъ волнуютъ, сердце кипятятъ.

Сила, пламень, роскошь и здоровье!

Счастливъ тотъ, кто могъ ее любить!
На одно съ ней вмѣстѣ изголовье
Голову, хоть въ жизни разъ, склонить,

Юноша тоскуетъ, замираетъ,
Млѣетъ — видя предъ собой ее;
А старикъ въ досадѣ проклинаетъ
Жалкое безсилiе свое.

Вся земная! думы и томленье
Чужды ей! Она вполнѣ живетъ. —
Страсть воздушная смѣшна ей — упоенье
Въ настоящемъ мигѣ — жадно пьетъ,

III.

Въ отдаленьи отъ гостей и зала
Тусклой лампой освѣщенъ покой.....
Въ немъ одна сидитъ царица бала,
На руку склонившись головой.

Видѣнъ чуть изъ — подъ густой рѣсницы
Взоръ, склоненный горестно къ землѣ;
Чорныя, восточныя зеницы
Неподвижны, въ влагѣ и огнѣ.

Отѣнили кудри смоляныя
Алебастръ высокаго чела, —
И тоска уста ея нѣмыя
Горькою улыбкою свела.......

IV.

Нѣтъ его, нежди его напрасно!
Не придетъ въ блестящій, свѣтскій кругъ;
Не видать ему твой ликъ и станъ прекрасный,
Не лобзать ему твоихъ горячихъ рукъ!

Погляди: природа безъ одежды,
Вѣтеръ воетъ и валится листъ:
Такъ опали всѣ его надежды,
Вздохъ его принесъ сей бури свистъ.

Погляди: природа умираетъ,
Бѣдную и день и ночь мятель
Пеленою бѣлой покрываетъ
И кладетъ въ холодную постель.

Для него не то же ли? — Забавамъ
Минулъ срокъ! Готовитъ горе гробъ, —
И его одѣнутъ въ бѣлый саванъ,
И зароютъ глубже, чѣмъ сугробъ!.....

XXIII.

Мои мечты, мои видѣнья —
Все простодушно я открылъ!
И имъ въ отвѣтъ не изумленье,
Не взлядъ насмѣшки хитрой былъ:
Другъ! ты умѣлъ понять поэта,
Который рѣдко самъ себя
Понять умѣетъ! — и отъ свѣта
Гонимъ, хоть гибнетъ свѣтъ любя.

Я перенесъ надежды жизни
Въ тотъ міръ, куда давно ты звалъ,

Когда, какъ ангелъ объяснялъ,
Небесной таинства отчизны.......
Тебѣ я вѣрю ..... хоть душой
Вполнѣ блаженству трудно вѣрить,
Но Бога благости святой
Неизмѣримость чѣмъ измѣрить?.....
Такъ, другъ! Съ тобой здается мнѣ,
Что не слѣпой ведетъ міръ жребій,
Есть счастье дружбы на землѣ,
Къ страданьямъ жалость есть на нѣбѣ.

═

XXIV.

Сердца тягостная рана
Не даетъ мнѣ ночи спать:
Нынѣ я покинулъ рано
Одинокую кровать.
На руку склонясь уныло,
При мерцающей зарѣ,
Объ далекой и объ милой
Долго думалъ о тебѣ!
Кто, любви разлучникъ нашей,
Станъ твой обнимаетъ, жметъ?
Кто — то нектаръ устъ сладчайшій

Въ обаяньи нынѣ пьетъ!
Кто теперь въ твоей постели,
Въ жаркомъ утомленьи силъ,
Какъ младенецъ въ колыбели,
Все на свѣтѣ позабылъ!
Персей томнымъ колебаньемъ
Чье счастливое чело,
Будто матери качаньемъ,
Сладостно усыплено!

Вспомня съ горемъ все былое,
Наслажденья и мечты,
Я упалъ на изголовье,
Гдѣ спала, Марія! ты.

XXV.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ.

«Потусклый мѣсяцъ поблѣднѣлъ,
Ночное небо голубѣетъ,
Пѣтухъ въ послѣдній разъ пропѣлъ,
И вѣтеръ холоднѣе вѣетъ.
Богъ свѣтъ даетъ! Морозъ скрыпитъ.
Дорога чрезъ село лежитъ.

«Изъ хаты утренній дымокъ
Надъ кровлей низкою поднялся;

Стоитъ онъ, тонокъ и высокъ,
И съ колокольней поравнялся.
Все небо въ золотѣ, въ огнѣ:
Встрѣчаемъ день мы на конѣ.

«Хотя на радостный восходъ
И рано солнце поспѣшило;
Но раньше мы пошли въ походъ:
Оно въ пути насъ озарило.
Здорово, солнышко! Свѣтъ твой,
Пускай утѣшитъ грустный строй.

«Проснулось мирное село;
Хозяйка двери отворяетъ;
Глядитъ поселянинъ въ окно:
Его взоръ радостью блистаетъ.
Ему о чемъ же горевать?
Жена и дѣти съ нимъ, и мать.....

«Въ чужомъ краю привѣта нѣтъ.
Никто насъ сирыхъ не встрѣчаетъ;
Вздохнувъ, прохожій смотритъ вслѣдъ:
Быть-можетъ обо мнѣ вздыхаетъ.
Меня другъ! можно пожалѣть!
Ахъ, тяжко сиротой старѣть!......

«Труды нерадостно терплю

Подъ неродными небесами;
Подъ часъ на камнѣ ночью сплю,
А утромъ моюся слезами.
И хлѣбъ не ѣстся! Горекъ онъ,
Чужой рукою испеченъ.

«Прощай, прохожій! Намъ грустнѣй
Когда идемъ селомъ, бываетъ:
Огнемъ кровь сердце сожигаетъ,
Какъ вспомнишъ радость прежнихъ дней....
Прощай! въ селѣ намъ нѣтъ родныхъ:
Собаки лаютъ на чужихъ!»

Походомъ, пѣсней грусть гоня,
Такъ утромъ воинъ пѣлъ печальный;
Рукой погладилъ онъ коня,
Вздохнулъ, взглянулъ на путь свой дальный,
И на замерзлые усы
Скатились разомъ двѣ слезы.

XXVI.

Когда бы небеса, предъ смертію моей,
Услышавъ долгое моленье и страданье,
Послали бы мнѣ съ той, кого люблю, свиданье, —
О, какъ бы сладко я заплакалъ вмѣстѣ съ ней!....

Упалъ бы къ ней на грудь, ея дыханье пилъ,
Минувшаго, грядущаго въ забвеньи, —
Безъ мыслей и безъ словъ, въ блаженствѣ, въ изступленьи,
Въ лобзаньяхъ и слезахъ я душу бы излилъ. —

И умеръ бы! . . . . . и ликъ остывшій тихій мой
Не выражалъ бы лѣтъ страданій – впечатлѣнья:
На немъ сіяли бы и счастье, и покой
Съ ней проведеннаго послѣдняго мгновенья.

=

XXVII.

Вѣтръ осенній, тонкій, рѣзкій
Проникаетъ въ ставни дерзко, —
Вьется, съ ночникомъ играетъ:
Отъ предательскаго хлада
Гаснетъ бѣдная лампада,
Умираетъ, умираетъ! . . . . .
Міръ почившій — какъ могила:
Влажно, холодно уныло!
А въ моей пустынной кельѣ
Горе, думы и бездѣлье.

Дверь раскрылась. Вотъ знакомый, —
Другъ, — пріятель. Шумно сѣли.
« Что, братъ, за обычай новый?
« Ты не видѣнъ по недѣли.
« Если скука, если горе
« Душу сердце разстерзали,
« Намъ откройся: въ разговорѣ
« Выльются струи печали. »

— Ты, — съ улыбкою сирены,
Съ сердцемъ тигра и вампира!
Не сокроешъ злость геены
Подъ слезами крокодила!
Лаской хитрой, принужденной
Удвоешъ сердца муки;
И языкъ твой изощренный
Лижетъ до крови мнѣ руки!.....

— Ты ничтожное созданье,
Обдѣленное судьбами!
Лишь для сна и для питанья
Сотворенное богами!
Ни добра, ни зла не видя,
Въ вѣчной слѣпотѣ младенца, —
Не любя, не ненавидя,
Смѣешъ требовать тайнъ сердца?

Прочь отъ глазъ! . . . . отдамъ скорѣе
Вѣтрамъ я слезу страданій! . . . .
Глыба льда тебя теплѣе :
Она таетъ отъ вздыханій.
Я ль, участія обманомъ,
Тайнъ моихъ зарокъ нарушу?
Предъ бездушнымъ истуканомъ
Мнѣ ли обнаружить душу!

— Ты, — едва лишь изъ пеленокъ
Руки, умъ освободившій!
Жалкій, вѣтренный ребенокъ,
Отъ рожденія шутившій!
Къ наслажденью призывая,
Ты лепечешъ: « сонъ лишь — горе! »
Ни одной волны незная,
Издѣваешся надъ моремъ!

Прочь, дитя! — Иди къ подобнымъ
Дѣтямъ — тамъ играй словами,
Но участіемъ холоднымъ
Не ругайся на гробами!
Можетъ быть, на гласъ терпѣнья,
На притворный голосъ друга,
Встанетъ, выдетъ привидѣнье —
И умрешъ ты отъ испуга!

Ликъ убитыхъ грустью страшенъ,
Какъ жильцовъ инаго свѣта!
Ихъ слова — средь древнихъ башенъ
Стоны вѣтра — безъ отвѣта!
Даже страждущіе рады
Окружать веселыхъ лица:
Нѣтъ для нихъ сродства, отрады
Въ вопляхъ брата — несчастливца!

Зная это, скорби чашу
Одинокій, допиваю,
Не дѣлилъ я радость вашу —
Грусть дѣлить не приглашаю.
И хоть мрачны думы, грёзы
Отданной себѣ печали:
Всё не такъ горьки тѣ слёзы,
Коихъ люди не видали!....

XXVIII.

О еслибъ въ это самое мгновенье,
Когда я объ тебѣ молюсь, тоскую другъ,
Волшебствомъ чаръ мой ликъ, въ мечтѣ иль въ сновидѣньѣ
Передъ тобой явился вдругъ —
И не изчезъ бы вѣчно! . . . . за тобою,
Какъ тѣнь твоя, какъ мысль моя бродилъ;
Предъ ненавистной ставъ искателей толпою,
Отъ взора дерзкаго тебя бы заслонилъ!
Улыбку бы твою, звукъ голоса похитилъ,
Облёкъ бы всю тебя въ таинственный покровъ —
Тѣмъ ревность бы мою насытилъ
И успокоилъ бы любовь! . . . . .

XXIX.

Порой любовь твоя на сердце счастьемъ вѣетъ,
Не въ силахъ даже я понять съ тобой печаль!
Но вдругъ потомъ душа предчувствіемъ тускнѣетъ
И горькая слеза бѣжитъ..... Тебя мнѣ жаль!

О добрый, милый другъ! Скажи, какимъ обѣтомъ
Страсть чистую твою могу я наградить?
Что посвящу тебѣ достойнѣйшимъ отвѣтомъ?.....
Ахъ, смерти тяжелѣй неблагодарнымъ быть!

Могильный кипарисъ, недвижный и великій,
Пусть дремлетъ, стражъ гробовъ, угрюмъ и одинокъ!
Пусть обовьетъ его листъ грустной повелики,
Но розы радостной начто ему цвѣтокъ?

Какъ душу хладную — съ горящею душою,
Какъ чувство мертвое — чувствъ съ полнотой живой,
Какъ опытъ горестный — съ невинностью святою
Для счастья сочетать навѣкъ судьбой одной!

За рай любви твоей воздамъ чѣмъ, безнадежный?...
Что покажу тебѣ въ пустынѣ бытія?
Разбитыя скалы, пучину водъ безбрежныхъ,
Гдѣ гарпія тоски — и памяти змія!

Надъ радостной страной восходитъ лучь весенній:
Проснулось всё, цвѣтетъ. Грозой сожженный дубъ
Мертвъ и безчувственен. Природы измѣненье
Погибшей жизни вновь ему не отдадутъ.

О юная, о кроткая голубка!
На гибель ты летишь неопытнымъ крыломъ,
Внимая сердцу лишь, не голосу разсудка,
За мрачнымъ, кровожаждущимъ орломъ.

XXX.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

РѢКА ОЛЬТА.

Быстра ты, мать Ольта! Златистый песокъ,
Ковромъ драгоцѣннымъ твое дно облекъ. (*
На берегѣ правомъ войскъ Русскихъ шатры
Стоятъ и бѣлѣютъ, какъ снѣга бугры.

(* Изъ песку Ольты добываютъ золото.

На берегѣ лѣвомъ Османа – врага
Шатры зеленѣютъ, какъ сѣна стога. (**
Обоимъ раздѣльной границей дана,
Какъ кудри старухи, сѣдая волна.

На берегѣ правомъ казакъ на конѣ,
Противъ его Турокъ въ багровой чалмѣ;
Готовые спрыснуть и ночью, и днемъ,
Незваннаго гостя свинцовымъ дождёмъ.

Усаженъ весь стражей прибрежный камышь.. . . .
Пропорхнетъ ли утка? Проскочитъ ли мышь?!
Но есть же какая то страсть у людей,
Увертливѣй утки и мыши хитрѣй.

На берегѣ правомъ деревня была:
Сады съ виноградомъ лабзала волна;
Садовъ всѣхъ пышнѣе цвѣтущій садъ тотъ,
Гдѣ съ дочерью старый Парентій живётъ. (***

Была дочь дѣвица, какихъ теперь нѣтъ!
Роскошнѣйшій, лучшій Валахіи цвѣтъ!
Ея, смоляными кудрями, коса,
Какъ туча скрывала, два солнца — глаза.

(** Шатры Турокъ конической формы и зеленаго цвѣта.
(*** Парентій — Валахскій священникъ.

От этихъ двухъ солнцевъ, съ горячей душой
Бѣги прочь скорѣе, Валахъ молодой!
Лишь лучь ихъ въ зеницу твою упадетъ,
Проникнетъ до сердца — и сердце сожжётъ.

Дышали палящимъ кораломъ уста!
Тудора была хороша и чиста,
Какъ будто бы тѣло, во весь стройный ростъ,
Изъ бѣлыхъ и алыхъ соткалося розъ!

А руки, а плечи, а перси у ней —
Теплѣе и мягче, чѣмъ пухъ лебедей!
Ахъ, ктоже изъ нашихъ Пандуровъ лихихъ (*
Не отдалъ бы жизни, — уснуть разъ на нихъ!

Семнадцать Тудорѣ свершилося лѣтъ:
Ужель у дѣвицы любовника нѣтъ?
Въ Валахіи носятъ не даромъ сердца,
Прекраснаго куклѣ не дастъ Богъ лица.

За чѣмъ не приступенъ красавицы видъ?....
На всѣхъ равнодушно, спѣсиво глядитъ!
Пандуры не смѣютъ руки ей пожать,
Иль дѣвственный поясъ въ жару лобызать.

(* Воинъ.

Былъ тайный счастливецъ. Наѣздникъ Селимъ,
Паши Никополя единственный сынъ — (*
Селимъ, что въ деревнѣ предъ грозной войной,
Охотниковъ кликалъ на пиръ боевой:

Когда къ намъ вступили полки Москалей —
Послѣдній онъ отплылъ на лодкѣ своей;
На берегъ завѣтный уныло смотрѣлъ,
Какъ съ жизнью, разстаться онъ съ нимъ не хотѣлъ.

Онъ молодъ и статенъ. Надъ блѣднымъ челомъ
Чалма завивалась зеленымъ узломъ;
За поясомъ шитымъ, что стягивалъ станъ,
Камнями осыпанъ, блисталъ ятаганъ.

Пунцовая куртка на мощныхъ плечахъ,
Лядунка и сабля на чорныхъ шнурахъ —
И стволъ пистолета, при каждомъ бедрѣ,
Съ Дамаской насѣчкой, въ чеканномъ сребрѣ.

Ахъ, кто бы Тудору въ любви укорилъ,
Когдабъ христіанинъ Селимъ этотъ былъ!....
Лишь тотъ проститъ дѣву, кто страстью плѣнёнъ,
Позналъ, что для сердца не писанъ законъ!

(* Никополь — крѣпость на Турецкомъ берегу Ольты.

И вотъ въ свѣтѣ ходитъ не добрая вѣсть ·
Рѣшилась Тудора съ духами связь свесть!
Въ разлукѣ съ Селимомъ, тоскуя по нёмъ,
Отважилась горе лѣчить волшебствомъ.

И впрямь! лишь наступитъ бурливая ночь
Никто не удержитъ Парентія дочь!
Она въ виноградникъ тихонько бѣжитъ,
На берегѣ грудью до свѣта лежитъ.

Тамъ слышали шопотъ, при плескѣ волны,
Двѣ видѣли тѣни, при блескѣ луны;
Съ зарёю дѣвица приходитъ домой —
Одна и печальна. Ктожъ былъ съ ней другой?

Въ то время въ деревнѣ богатый жилъ Грекъ,
Пронырливый, хитрый и злой человѣкъ:
Увидѣлъ Тудору, её полюбилъ —
И гордою дѣвой отвергнутъ онъ былъ.

Но въ сердцѣ желѣзномъ не стынетъ любовь!
Обида снѣдаетъ, какъ ржавщина, кровь!
Въ лицѣ разлилася и блѣдность, и жолчь:
Преслѣдуетъ всюду Парентія дочь!

Какъ тѣнь, онъ за нею! Какъ призракъ гробовъ!

Ей слышится хохотъ и скрежетъ зубовъ!
То блескъ, какъ у тигра кровавыхъ очей,
Сверкаетъ предъ нею въ саду изъ вѣтвей.

И вотъ, въ часъ полночный, однажды прибѣгъ
Къ начальнику Русскихъ пронырливый Грекъ,
Съ кинжаломъ, завернутъ въ широкій кафтанъ,
Блеснулъ вкругъ очами, сказалъ: «Капитанъ!

«Клянуся Маріей! Къ намъ ходитъ шпіонъ!
«Плыветъ черезъ Ольту предательскій чолнъ!
«Посты и пикеты твои обойдя,
«Зарѣжутъ всѣхъ Грековъ, солдатъ и тебя.

«Но дай мнѣ команду — и эту лису
«Живую ли, мертву — къ тебѣ принесу:
«Пусть лазить остынетъ охота у ней,
«Въ гнѣздо христіанскихъ, святыхъ голубей!»

Махалъ онъ кинжаломъ и бороду рвалъ,
И пѣну клубами изъ устъ выливалъ,
И билъ себя крѣпко руками въ чело,
И судоргой члены ему повело!.....

Дивится начальникъ. — Вотъ Божія мощь
За днемъ день выводитъ, за нощію нощь!

Уплылъ въ тучи мѣсяцъ, а дождикъ струей
Бѣжитъ надъ сѣдою, бездонной рѣкой, —

Какъ слезы страдальца!.... Но сколько ни плачь,
Пучину злощастья наполнитъ ли плачъ?
Поглотятъ ихъ волны, развѣетъ ихъ вѣтръ, —
Пройдутъ наши слезы, а бѣдствіе — нѣтъ!...

И темно, и тихо — лишь дождикъ струей
Шумитъ надъ сѣдою, грозящей рѣкой,
И дремлетъ роскошный Парентія садъ, —
Но что въ нёмъ за шелестъ?..... Что тамъ говорятъ?...

Вотъ слышится шопотъ: «змѣею проползъ
«Камышъ я, которымъ весь берегъ поросъ —
«При мракѣ полночномъ, при ропотѣ волнъ,
«Ни кѣмъ недозримый, причалилъ мой челнъ.

«Но еслибъ безсмѣнно сіялъ день лучёмъ,
«Дамаскимъ кинжаломъ, Алеппскимъ мечёмъ —
«Клянусь! я бы поплылъ, сквозь сотни смертей,
«Насытить тобою взоръ жадныхъ очей!

«О райская роза! Небесъ красота!
«Напой благовоннымъ лобзаньемъ уста,

« Рукою отрадной коснися чела —
« И будетъ тьма ночи, какъ солнце свѣтла!

« Бѣжимъ! Унесетъ насъ спасительный чолнъ
« При мракѣ полночномъ, при ропотѣ волнъ!
« Къ чему жь эти слезы? На что намъ печаль?
« Яснѣетъ, яснѣетъ грядущаго даль!

« Паша далъ согласье — мой добрый отецъ!....
« Прижму тебя къ сердцу навѣкъ, на конецъ!
« Забуду гласъ славы, стукъ бранныхъ мечей,
« Съ царицей, съ подругой, съ женою моей!

« До мира не долго — тогда къ намъ придетъ
« Твой старый родитель — и дни доживётъ
« Въ объятьяхъ Селима, Тудоры — и сномъ
« Заснётъ безмятежно въ сѣмействѣ своёмъ.»

— И тихо, и тёмно — лишь дождикъ струёй
Шумитъ надъ сѣдою, грозящей рѣкой —
И дремлетъ на брегѣ Парентія садъ.......
Вотъ снова тамъ шопотъ! Опять говорятъ!....

« Другой слышенъ голосъ: «о мой кипарисъ,
» О кедръ мой могучій, — веселье и жизнь!

« Готова съ тобою Тудора летѣть
« На море, на бездны — на счастье и смерть!

Но мнится невольно, что солнца отрадъ
« Не всходъ мы встрѣчаемъ, а грустный закатъ!
« И Ангелъ, который надъ бѣдными бдѣлъ,
« Навѣки, навѣки теперь улетѣлъ!

« Какъ саванъ всё небо! Полночная тьма,
« Какъ тьма гробовая мутна, холодна,
« И Ольты — печальный, пророческій вой
« Гласитъ какъ бы мертвымъ послѣдній покой.

« Пусть будетъ, что будетъ! Хочу я летѣть
« Съ тобой, повелитель! На жизнь и на смерть!
« Но...... дай мнѣ лобзанье на вѣчность одно,
« Кто знаетъ, что Богомъ для насъ суждено!»

Слилися устами!..... Послышался стонъ,
Рыдаютъ!..... Предчувствіемъ вѣщимъ смущёнъ,
Извѣдавъ какъ ложенъ, невѣренъ нашъ вѣкъ,
Предъ горемъ и счастьемъ груститъ человѣкъ!

И вотъ рука въ руку, — стрѣлою бѣгутъ!
Вотъ берегъ! вотъ волны сѣдыя ревутъ!

Опасность минула! Дрожащей стопой
Въ челнъ зыблемый входятъ, — вдругъ грянуло: стой! ..

Штыки засверкали среди камышей,
Ладьей овладѣли толпы Москалей, —
И Грекъ тутъ съ кинжаломъ: хохочетъ, клянётъ, —
«Теперь я потѣшусь! Часъ мщенія бьётъ!»

Ахъ, смертная рано сверкаетъ коса!.....
Развытой чалмой завязали глаза,
Двѣнадцать въ грудь разомъ нацѣлили дулъ,
Залпъ вспыхнулъ, раздался..... Селимъ не дохнулъ.

За ноги, за руки трупъ блѣдный берутъ,
И шумно хохочутъ, и громко поютъ,
Подняли, качаютъ надъ тёмной рѣкой
И бросили въ Ольту, — на вѣчный покой!.....

А чтоже Тудора?..... Вскричала, взвилась —
И въ волны за милымъ!..... Какъ тотъ водолазъ,
Что жизнь забывая въ порывѣ своёмъ,
На дно за безцѣннымъ летитъ жемчугомъ.

Несчастная дѣва! Жемчужину духъ
Ужъ выронилъ бѣдный, погибшій твой другъ!

Въ изстрѣленной груди любви не найдешь,
Лишь трупъ охладѣлый въ объятьяхъ сожмешь.

Быстра ты мать — Ольта! Златой твой песокъ
Два тѣла засыпалъ, покрылъ, уберёгъ —
И спятъ они вмѣстѣ! Струй горестный вой
Гласитъ непробудный имъ, вѣчный покой.

═

XXXI.

ПРОЩАНІЕ.

Когда луна изъ тучи выплываетъ,
Роняетъ свѣтъ на жемчуги росы,
Душа, томясь, невольно вспоминаетъ,
Прошедшіе часы.

Полуденной вновь вѣетъ теплотою,
Играетъ моря зыбкая волна —
И дальной крѣпости лежитъ передо мною
Разбитая стѣна.

Въ степи глухой — зеленый виноградникъ;
Безмолвье, ночь; живущее всё спитъ:

Одинъ въ плащѣ высокій, блѣдный ратникъ,
Какъ статуя стоитъ.

Къ калиткѣ сада за чумбуръ ремённый
Привязанъ конь, въ сѣдлѣ, въ шелку подпругѣ,
Блестящія качаются стремёна;
Скрипитъ во рту мундштукъ,

И вотъ звѣзда полночная восходитъ,
Дрема сильнѣй природу тяготитъ,
А блѣдный ратникъ тамъ же! не отходитъ,
Какъ статуя стоитъ.

Молчитъ, какъ гробъ, не говоритъ ни слова,
Недвижимъ, тихъ. Ужель то часовой?
Но для чего жъ бы ставить часоваго
Къ калиткѣ садовой?

Вдругъ въ яблоняхъ одежда забѣлѣла,
Какъ будто лебедь пролетѣлъ сквозь тьму,
Изъ виноградника бѣжитъ стрѣлою дѣва:
Онъ къ ней, она къ нему.

И долго, долго жадными устами
Взаимное дыханіе они

Глотали сладкими, нектарными струями,
Любящи и одни!....

И началъ онъ: «прости, мое свѣтило!
« Предупрежду отъѣздомъ я зарю!
« За нѣжность, страсть, за всё, чѣмъ сердце жило,
« За всё благодарю!

» Душамъ роднымъ рокъ хладный и ревнивый
« Опредѣлилъ на муку розный путь!
« Ахъ, потуши жаръ груди несчастливый,
Забудь меня, забудь!» ....

Она въ отвѣтъ: «о, поѣзжай любезный!
« Прошу одно: въ кругу, въ толпѣ людей,
» Не оставляй меня всѣмъ чуждой, безполезной, —
Убей меня, убей!

« Съ тобою я считала счастьемъ муки,
« Ты душу взялъ, взялъ сердце, имя, честь —
« Я всё перенесла! Но горестной разлуки —
« Нѣтъ, другъ, не перенесть!

« Отнятыхъ благъ мнѣ не жалка утрата,
« Гречанка я, для страсти рождена:
« Одной твоей любовію богато
« За всё награждена!

« Не замѣняй же рай мой вѣчнымъ адомъ,
« Не оставляй среди чужихъ людей!
« Убей меня — кинжаломъ, пулей, ядомъ —
« Чѣмъ хочешъ, но убей!»

Къ его стопамъ упала со слезами,
Колѣна обняла вся въ трепетѣ, въ огнѣ,
Лице закрыла чорными кудрями,
Рыдала на землѣ.

И тяготитъ несчастнаго раздумье:
Чѣмъ дѣвы грусть утѣшить, облегчить:
Какъ жизнь оставить ей на горе и безумье,
И какъ её убить!.....

Творимъ мы зло, но злаго изцѣленьемъ
Располагать всегда ли смертный могъ?.....
« Пусть тихою кончиной, иль забвеньемъ
« Её излечитъ Богъ!»

Подумалъ, вдругъ на скакуна взлетаетъ,
Клубится пыль по сѣрому пути......
Сквозь топотъ конскій голосъ долетаетъ:
« Прости, прости, прости!»

По прежнему замолкла степь пустая,

Не видно ни кого, живущее всё спитъ:
Одпа лишь дѣва блѣдная, нѣмая,
Какъ статуя стоитъ. —

Когда луна изъ тучи выплываетъ,
Бросаетъ свѣтъ на жемчуги росы,
Душа, томясь, невольно вспоминаетъ
Прошедшіе часы:

Брожу тогда, отъ всѣхъ уединенный,
За городомъ, въ пустынѣ, средь степей
И слушаю вопль дальный и плачевный:
« Убей меня, убей! »

═

XXXII.

СКОРБЬ ЕЛЕНЫ - МОЛДАВАНКИ.

Я сегодня въ огородѣ
Всё утро ходила;
Всѣ цвѣточки на свободѣ
Слёзъ росой омыла.
Я шептала: разцвѣтите
Благовоннѣй, краше:
Ужъ не долго мнѣ, Еленѣ,
Вами любоваться......
Нынѣ въ полдень я сорву васъ,

Повяжу въ гирлянды
И сплету вѣнокъ для друга,
Грустный, похоронный!
Отъ людей цвѣтами скрою
Гибельную язву, —
Слѣдъ Турецкой мѣткой пули
На челѣ высокомъ!.....
Положу я незабудки —
И вздохнувъ, промолвлю:
Никогда тебя Елена,
Другъ мой, незабудетъ!....
Нѣжную вплету фіалку
И скажу, заплакавъ:
Какъ цвѣла фіалка эта
Подъ могучимъ дубомъ,
Такъ покоилась Елена
Подъ твоей защитой.
Нѣтъ у ней друзей, ни кровныхъ,
Ни отца, ни брата:
Ты одинъ былъ покровитель —
И тебя не стало!
Положу я придорожникъ
Съ темными листами,
Прошепчу: мой другъ отходитъ
Въ дальную дорогу.......
Онъ собрался безъ прощанья,
Отбылъ безъ возврата,

Для чего жъ меня съ собою,
Бѣдную, онъ не взялъ!.....
Усыпляющій цвѣтъ мака,
Заплетая, молвлю:
И безъ мака спитъ мой милый
Сномъ не пробудимымъ.......
Спитъ онъ крѣпко.... не услышитъ
Голоса подруги,
Что надъ нимъ голубкой сирой
Бьётся и стенаетъ!.,...
На грудь положу я розу —
И, вздохнувъ, промолвлю:
Такъ спала на вѣрномъ сердцѣ
Нѣкогда Елена.......
Для чего жъ цвѣтокъ холодный
Мѣсто дѣвы занялъ?
Для чего мнѣ заказали
Съ другомъ лечь въ могилу?.....
Но скорѣй, чѣмъ цвѣтъ душистый
Подъ землей увянетъ, —
Въ свѣтѣ — бѣдной, горемычной
Елены не станетъ!

XXXIII.

РЕНЕГАТЪ.

[переводъ.]

Что случилося не давно въ Иранѣ,
Свѣту сказать нынѣ время!
На Кашемирскомъ усѣлся диванѣ
Паша, средь красавицъ гарема.

Гречанокъ, Лезгинокъ поётъ рой эфирный,
Дочери пляшутъ Киргиса:
У этихъ въ зеницахъ цвѣтъ неба сафирный,
У тѣхъ — мракъ и тѣни Эвлиса (*

(* Плутонъ Магометанъ.

Властитель не слышитъ, властитель не взглянетъ,
Тюрбанъ свой надвинулъ на око,
Тёмныя думы изъ трубки онъ тянетъ,
Дремлетъ, въ молчаньи глубокомъ.

Вдругъ разступилась прислужницъ ватага,
Раздался шаговъ шумъ въ передней:
Дѣву незнанную ввелъ Кизляръ - Ага,
Склонился и молвилъ: « Эфендій!

« Коего ясность такой есть мочи
« Въ сонмѣ звѣздъ яркихъ дивана,
« Какъ средь алмазовъ, на ризахъ ночи,
« Бриліантъ Альдеборана.

« Блеснуть удостой ко мнѣ, солнце дивана,
« Пришолъ я съ пріятнымъ извѣстьемъ;
« Вотъ вѣтеръ служебный изъ Легистана
« Новымъ даритъ тебя перстнемъ.

« У падишаха, средь роскоши рая
« Въ Стамбулѣ, такого нѣтъ цвѣта!
«Дѣвица родомъ изъ хладнаго края,
« Твоихъ думъ и грусти предмета!«.....

Сказалъ — и скрывавшій красу газъ ненужный

Вдругъ сбросилъ...... Гаремъ изумился!
Взглядъ кинулъ на дѣву Паша трехбунчужный,
Взглядъ кинулъ — и въ сонъ погрузился.

На́ бокъ валится; тюрбанъ развязался;
Бѣгутъ разбудить его — диво!
Паша – ренегатъ имъ не́ отозвался:
Блѣдное тѣло – не живо!.....

=

XXXIV.

ФЕТФА НЕГРИТЯНКА.

Обнаженною стопой
Шла долиной путевой
Я, Негрянка - и рабыня
Взятаго въ плѣнъ господина.
Мой властитель — сивый дѣдъ.
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

У Юсуфъ — паши служила,
Танцовала, пѣла, шила

Я, негрянка и рабыня.
Съ крѣпостью — въ плѣнъ господина
Взяли. — Маршъ въ Россію дѣдъ!
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Жёнъ имѣлъ Паша сѣдой
Полтараста безъ одной:
Добряки Москàли эти!
Повезли его въ каретѣ,
А на фурахъ полкъ супругъ:
Утѣшайся, нѣжный другъ!
Русскимъ Дамъ обнять желалось:
Но чужое запрещалось.
Непонятенъ этотъ свѣтъ!
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Жёнъ за кочевой гурьбой
Обнаженною стопой
Шла я, бѣдный провожатый!
Русскій — конный и богатый,
Поскакалъ за мною въ слѣдъ.
« Брось, красавица! трудъ грубый!» —
Засмѣялась я въ отвѣтъ, —
Похвалилъ мои онъ зубы:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

« Вотъ дѣвица изъ дѣвицъ,

« Молнія въ тьмѣ — блескъ зеницъ,
(Говорилъ Москáль съ толпою)
« Усмѣхается весною,
« Дышетъ розовымъ цвѣткомъ
« И порхаетъ мотылькомъ.
« Грудь изъ чернаго атласа,
« Жаромъ страсти налилася,
» Какъ блестяща и чиста!
« Эти крупныя уста
« Не дадутъ сухихъ лобзаній,
« Жажду напоятъ желаній. —
« Сладострастныхъ грёзъ предметъ,
« Видишь, черненькая ножка
« Прыгаетъ въ травѣ, какъ мошка......
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

« Вотъ тебѣ на выкупъ злато!»
Всадникъ закричалъ богатый,
Бросивъ деньги. Пыль взвилась —
Ускакалъ за горы князь.
Что-то въ сердце мнѣ кольнуло;
Мелькомъ на сребро взглянула;
И смотрѣла долго въ слѣдъ .....
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Лишь орда на отдыхъ стала,
Я къ Юсуфу подбѣжала:

« Господинъ, Папа сѣдой!
« Полтараста безъ одной
« Жёнъ для васъ конечно мало?
« Дѣвой жить мнѣ не пристало.»....»
Замолчи ты, пустоцвѣтъ!
— Закричалъ Паша въ отвѣтъ,
Борода его дрожала;
Я тихонько хохотала:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

« Засвидѣтельствуй Аллахъ,
« Магометъ и падишахъ,
« Что не лгу я. — Лгать къ чемуже?
« Я не въ силахъ жить безъ мужа!
« Въ жаркій, безконечный день,
« Нападаютъ грёзы, лѣнь;
« Въ снѣ ночномъ бѣгутъ шайтаны:
« Дерзки, обнаженны, пьяны;» —
— Пріунылъ безсильный дѣдъ:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Думу думаетъ Юсуфъ,
Губы старыя надувъ:
« Для чего мнѣ эту сажу? —
« Я съ женами еле лажу.«
Полтараста безъ одной

Поднимаютъ брань и вой.
« Выгони нелѣпость эту,
« Или сгонишь насъ со свѣту!
« Не она ль, предвѣстье бѣдъ,
« Баловница съ раннихъ лѣтъ,
« На усахъ твоихъ висѣла,
« Въ носъ давать щелкушки смѣла?
« Пивши изъ ея руки,
« Кофе, опіумъ восточный,
« Ты, паша высокомочный!
« Проспалъ крѣпость, бунчуки. «
Какъ смѣшонъ ревнивый бредъ! -
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Тутъ я низко и покорно
Головой склонилась черной,
Положила кошелёкъ
У Пашинскихъ свѣтлыхъ ногъ.
« Вотъ гарачь на выкупъ, злато. «
Тронутъ былъ Паша до слёзъ,
Гладилъ бороду и носъ:
« Будь свободна и богата,
« Африканская граната,»
Наконецъ онъ произнёсъ.
« О пророкъ! О Магометъ!
« Все выходитъ на изнанку!
« Проспалъ я, безсильный дѣдъ,

« Крѣпоть, бунчуки, негрянку: »
— Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

Въ первый разъ свободной ставъ,
Я плясала, хохотавъ,
И пустилася стрѣлою
Вновь долиной путевою.
Ночь. Не видно Божьей зги;
Сердца слушаютъ шаги.
Глядь: Москалей часовые
Ходятъ — сѣрые, нѣмые,
Взявши ружья отъ ноги.
« Гей, землякъ! Ты видишъ черта,
« Иль чертовку? — Не дурна,
« Только дьявольски черна.
« Кто нибудь да будетъ мертвый! »
Крестится и шепчетъ рота.
Проскочила я пикетъ:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

— Фетфа, далѣе, бѣги! —
Сердца слушаютъ шаги,
Напрягаю взоръ и уши.
Подъ разцвѣтшей, бѣлой грушей
Вотъ онъ, поисковъ предметъ,
Вотъ онъ, жизнь моя и счастье,
Спитъ, укрывшись отъ ненастья!

Заблисталъ въ зеницахъ свѣтъ,
Я вздыхала и дрожала,
Въ первый разъ рабою стала:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ!

«Господинъ мой, встань отъ сна!
«Я сиротка и бѣдна,
«Принесла тебѣ въ отплату
«Сердце дѣвичье, за злато.
«Правда, скудный, дикій даръ
«Предъ твои кладу я очи,
«Но богатъ въ нёмъ чувства жаръ,
«Дѣлай съ нимъ, что ты захочешь.»
Поцѣлуй онъ далъ въ отвѣтъ;
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ:

Какъ Нубійская змѣя,
Обвилась вкругъ стана я —
И безъ памяти, безъ смысла
На устахъ его повисла.
Онъ моимъ быть захотѣлъ,
Цѣловалъ, смѣялся, пѣлъ.
Какъ кадильницъ двухъ куренье —
Наши дни, въ соединеньи,
Въ храмъ небесный отъ земли
Благовонно потекли!

Русскій лаллъ, агатъ восточный,
Мы сдружились, полдень съ ночью,
Позабыли цѣлый свѣтъ;
Обожалъ онъ безъ раздѣла,
Я отвѣтствовать умѣла:
Было мнѣ пятнадцать лѣтъ.

⁂

Вотъ, написанная просто,
Повѣсть, въ родѣ Аріоста. —
Какъ составилъ я сюжетъ
Безтолковой этой сказки,
Безъ завязки и развязки:
Было мнѣ пятнадцатъ лѣтъ.

=

XXXV.

СТАНУЙ и ДЕСПА.

Собрался на бой Стануй
И пришелъ съ извѣстьемъ
Къ черноглазой Деспѣ,
Къ молодой Невѣстѣ.
И сказалъ ей: « поцѣлуй!
« Можетъ быть, я съ тобой
« Разстаюсь навѣки!
« Какъ трава подъ косой,

« Тамъ у смерти подъ рукой
« Въ битвѣ человѣки!
« Гдѣ коса хоть разъ пройдётъ,
« Рѣдко тамъ цвѣтокъ растётъ!....
« Но твои молитвы
« Мнѣ ограда въ битвѣ. »

И она изнемогла,
Молвить слова не могла.:...
Подивитесь люди:
Хочетъ плакать, — но ахъ!
Прахъ горячій въ очахъ!
Изъ стѣсненной груди
Слезки не добудетъ!
Хочетъ говорить: языкъ
Издаётъ невнятный зыкъ,
Горя рѣчь нѣмую!
Зарыдала наконецъ,
Покатилась, какъ мертвецъ,
На руки къ Станую!

Пробудилась на бѣду!
На ремённомъ поводу
Конь вблизи играетъ;
Роетъ пыль ногами, ржетъ,

Гнѣвно удила грызётъ,
Зазываетъ въ походъ,
Долгъ напоминаетъ.

« Деспа, время! »..... А самъ
Задрожалъ.:.... но глазамъ
Плакать не далъ воли:
Въ сердцѣ мужескомъ стѣснилъ
Одолѣлъ, затаилъ
Разставанья боли......
Мѣтко въ стремя шагнулъ
Ловко, соколомъ вспрыгнулъ
На коня гнѣдова;
Покрутилъ долгій усъ
И сказалъ: « ворочусь!
Будь, мой другъ, здорова! «

Съ горькимъ воплемъ она
Ухватила коня
За мундштукъ блестящій.
« Господинъ мой, женихъ!
« Поклянись въ этотъ мигъ,
« Богомъ, съ неба зрящимъ,
« Что – убитый, иль живой, —
« Но прiѣдешъ въ край родной
« Ты ко мнѣ несчастной! »

Женскій разумъ!!! а онъ,
Думалъ долго..... потомъ
Руку правую съ крестомъ
Къ небу поднялъ твердо, —
Громко молвилъ: «клянусь!
«Ворочусь! ворочусь!
«Иль живой, иль мертвой!«

Слышитъ умный жеребецъ
Въ чемъ поклялся боецъ,
Застоналъ какъ буря.....,
Крикнулъ, гаркнулъ сѣдокъ —
Конь въ пять саженъ далъ скокъ —
И изчезъ, какъ пуля.....

На Рущуцкихъ поляхъ
Борются двѣ рати:
Турки въ фесахъ и чалмахъ,
Москали въ киверахъ —
По Христу, намъ братьи.
Рать Османская пестра,
Какъ крылатый змѣй быстра,
Кривы ихъ булаты!
Будто тополь — исполинъ,
Всѣ одинъ подъ одинъ
Русскіе солдаты!

Какъ ежевые иглы́,
Свѣтятъ ихъ штыковъ углы.....
На лафетахъ пушки
Требуютъ пирушки!

Поднялася пыль столбомъ,
Конь слетѣлся съ конемъ,
Пѣшій съ пѣхотинцемъ:
Каждой друга цѣловалъ,
Саблю вынулъ, взнесъ кинжалъ,
Угостилъ гостинцемъ!....
А съ Валахами Стануй,
Какъ потокъ весеннихъ струй,
Мчится, — топитъ, губитъ —
Молодецъ бой любитъ!
Музульманамъ кровный врагъ,
Онъ оспоритъ каждый шагъ, —
Онъ въ Московской рати,
По Христу, намъ братій!

Какъ отъ бури легкій пухъ,
Вспять вовесь помчались духъ
Делисы и Спаги;
Заломивъ кивера,
Русскій грянулъ: « ура! » —
— Го! Го! Го! — Валахи.

Втоптанъ въ грязь Музульманъ!
Вотъ между Христіанъ
Сладкія свиданья,
Пиръ и лобызанья.
Честенъ бранный поцѣлуй!
Гдѣжъ Валаховъ вождь, Стануй?
Тщетны ожиданья!
Ищутъ. — Нѣтъ его, какъ нѣтъ!
Видно, чтобъ сдержать обѣтъ
Отбылъ онъ къ невѣстѣ,
Горемычной Дѣспѣ!

А тѣмъ временемъ она
День и ночь сидитъ одна,
Смотритъ на дорогу
И молится Богу.....
Вдругъ вдали, что-то тамъ
Зачернелося, какъ вранъ,
Точкою подвижной:
Вотъ всё ближе, ближе.....
«О пречистая мать!»
И стремглавъ она встрѣчать
Побѣжала друга,
Въ трепетѣ, въ испугѣ.

Доскакалъ конь гнѣдой,
Опѣненный, худой —

А въ седлѣ Стануй младой.....
Онъ вкругъ конской выи
Руки обвилъ, виситъ, —
И припавъ къ гривѣ спитъ,
Какъ не спятъ живые!!!

И на шеи жеребца
Кровь изъ груди бойца
Запеклась кусками......
Деспа всё поняла!....
Въ хладные впилась уста
Жаркими устами —
Вскрикнула и умерла.....
Вмѣстѣ ихъ зарыли,
Два поставили креста
Въ память грустной были.

=

XXXVI.

ПАША.

Паша былъ свѣтелъ; въ сладкой лѣни
На бархатномъ диванѣ онъ лежалъ;
Изъ янтаря душистый дымъ впивалъ,
А голову склонилъ къ Дильберѣ на колѣни.
Гречанка то была, — цвѣтущая весна, —
Зефиръ, — ручей живой, — блестящая денница, —

Видѣніе роскошнѣйшаго сна, —
Обѣтъ восторга, — красоты царица.

И вдругъ отбросилъ онъ чубукъ,
Съ улыбкой доброю, смѣяся и жалѣя,
Шепнулъ, атласъ сжимая бѣлыхъ рукъ:
« Ты въ Грека влюблена, Морейская лилея! «

Въ негодованіи, съ слезами на глазахъ,
Дрожащая, искала долго слова.
« Что говоришъ, душа, властитель благъ!
Не повторяй навѣтовъ духа злова!
Кого любить?... Богъ видитъ грудь мою,
Ты въ ней — одинъ. Клянусь отца могилой,
Всѣмъ сердцемъ, мыслями, всѣмъ бытіемъ люблю
Единственно тебя, мой обладатель милый!

Безпечно поднялъ онъ веселое чело,
Не оскорбясь вопроса неудачей;
Взглянулъ очей въ прозрачное стекло,
Поцѣловалъ уста, коралъ горячій.
« О гурія! ты платишь недобромъ
« За доброту мою! Не отвергай участья:
« Готовъ я помогать кинжаломъ, серебромъ,
« Для вашего союза, мира, счастья.

« Въ тайникъ души, другъ, отвори мнѣ дверь;
« Откройся въ истиннѣ, не плача, не робѣя,
« Какъ матери родной, мнѣ отвѣчай теперь:
« Ты съ Грекомъ любишься, Морейская лилея!»

« Ахъ, смѣюли, могу ль, должна ли я любить!....
Хоть ангелъ бы предсталъ, но не сломитъ заклятья,
Когда мнѣ суждено твоей навѣки быть,
Когда, какъ цѣпью ты сковалъ меня объятьемъ!
До гробовой доски послушная раба.
И если бъ чувство въ грудь невольницы запало,
Преступна менѣе, и болѣе слаба,
Сто разъ бы умерла, а тайны не сказала.» —

И обнялъ дѣву онъ. Ласкаяся, шутя,
Игралъ развитыми, блестящими кудрями.
« Ты правду говоришь, прекрасное дитя!
« Но женщина властна ли надъ страстями?
« Я не тиранъ, не звѣрь, не Нильскій крокодилъ,
« Чтобъ голубя разрозкивать съ голубкой.
« Не будетъ извергомъ, кто такъ тебя любилъ:
« За ласки не воздастъ насилья вѣчной мукой.

« Готовъ поддерживать кинжаломъ власть мою
« И золотомъ; лишь ты признайся, не краснѣя:

« Я въ тужъ минуту васъ навѣкъ соединю :
« Ты Греку отдалась, Морейская лилея? »

И, внѣ себя, она — у ногъ паши!
Трепещетъ, ненайдетъ рѣчей въ рыданьи горькомъ.
— «О, ты прозрѣлъ всю внутренность души,
Благимъ, пронзительнымъ и милосердымъ окомъ!
Такъ! я нарушила, забыла вѣчный долгъ.
Онъ мой! Люблю его! Не помогло боренье!
Онъ моремъ умъ топилъ, онъ солнцемъ сердце жогъ,
Навѣки онъ скрѣпилъ сердецъ соединенье!

Ты не разлучишь ихъ!... ты добръ; тебѣ гаремъ
Невольницу увядшую замѣнитъ.
Чтобъ осчастливить насъ — не правда ли? — затѣмъ
Меня ты спрашивалъ?.... Ахъ, онъ твой даръ оцѣнитъ:
Онъ будетъ рабъ твоимъ желаньямъ и страстямъ,
Надъ драгоцѣнными онъ станетъ бдѣть годами!
О, сдѣлайся отцомъ несчастнымъ сиротамъ,
Будь господомъ оставленной судьбами!

Все высказала я, что только ты желалъ,
Стыдомъ, надеждою и страстью пламенѣя.....« —
Какъ тигръ вскочилъ паша, ей въ грудь вонзилъ кинжалъ.
« И я сдержу обѣтъ, Морейская лилея!«

Въ ладони хлопаетъ, толпа предстала слугъ:
« Возьмите прочь её!..... и трупъ окровавленный
« Несите въ комнату, гдѣ ждетъ ея супругъ,
« Грекъ обезглавленный, въ ночь прошлую казненный.
« Я слово далъ. Я слову господинъ!
« Найду приличное сердцамъ влюбленнымъ мѣсто!
« Заприте ихъ обоихъ въ гробъ одинъ,
« Да не разлучится женихъ съ своей невѣстой. «

═

XXXVII.

ЛЮБОВЬ АФРИКАНЦА.

Хетръ безъ сабли и кинжала,
Безъ винтовки и коня;
Дерзкая рука устала,
Рѣчь, движенья безъ огня, —
А гебеновое тѣло
Изнурилось, побѣлѣло.

Какъ въ полдневный жаръ тростникъ
Надъ пустынею безводной,

Онъ безъ жалобы поникъ
Головою благородной.
Умирай, несчастный вождь!
Не цвѣсти платану дважды!
Нѣтъ росы для страстной жажды,
Не сойдетъ на Сару дождь!

Други, братья — Абиссинцы!
Помните ль? — За мною въ слѣдъ
Стаями летали птицы
Вражьихъ труповъ на обѣдъ. —
Былъ свободный и богатый!
Сколько крови, женщинъ, злата!
Какъ стоялъ я высоко!.....
Предо мной толпа дрожала,
Пыль съ ноги челомъ сметала:
Это время далеко!

Помните ль пустыни наши?
Мой шатеръ, мой красный плащь,
Изъ слоновой кости чаши,
Гибкій дротикъ, мѣткій пращь?
Дымъ шербета, благовоній?
Табуны летучихъ коней? —
И надъ аспиднымъ челомъ, —
Знакъ къ побѣдамъ путеводный, —

Бѣлый мой тюрбанъ народный,
Съ бриліантовымъ перомъ!

А теперь — дитя, ребенокъ!
Грустенъ, безутѣшенъ, слабъ!
Не сорву любви пеленокъ —
Я, — властитель!.... Я, — Арапъ!...
Стыдно братья! — больно, други!.....
Но поможетъ ли мой стыдъ?
Сердце, въ огненномъ недугѣ,
Рвется, таетъ и горитъ

Мать! Ты правду говорила:
« Лучше смерть, чѣмъ жизнь въ плѣну,
« Въ плѣнѣ — стыдъ, тоска, могила,» —
Не сказала почему.
Я отдался! Я былъ молодъ!
Нравился мнѣ храбрый Россъ:
И корабль меня въ ихъ городъ
Отъ Балканскихъ скалъ унёсъ.

Ольга! Сонъ тебя ласкаетъ!
Сонъ — удѣлъ невинныхъ дѣвъ!
Ты не видишъ, какъ стенаетъ,
Рыщетъ Нумидійскій левъ.
Блескъ твоей далекой крыши,

Сквозь окошекъ лампы свѣтъ,
Для меня чертогъ Фетиши,
Поклоненія предметъ.

Будь сестрою смуглыхъ братій,
Дочерью моихъ отцевъ, —
Дщерь вождя Московскихъ ратій,
Дѣва сѣверныхъ снѣговъ! —
Нѣжный, бѣлый цвѣтъ Лотоса!
Не преклоненъ стебель твой,
Хоть подножье облилося
Бурной Нильскою волной.

О позволь же за тревоги,
Чтобъ — ручной, послушный тигръ, —
Я хранилъ тебя въ дорогѣ,
Сторожилъ тебя средь игръ.
Позабуду голосъ славы,
Усыплю чувствъ ураганъ,
Головой моей кудрявой
Преклонясь къ твоимъ ногамъ.

За тобой въ день невидимкой,
Темный — пусть ношуся я;
Скажешь, видя призракъ зыбкій,
«То не онъ! То тѣнь моя!»

Пусть я буду въ ночь съ тобою:
Страшенъ ли тебѣ испугъ? —
Черный я сольюсь со тьмою; —
Вѣрный, но незримый духъ!

Любишь ты рѣки теченье,
Знаю я держать весло:
Пусть бы тихое стремленье
Насъ далеко унесло! —
Въ край воздушный, благотворный,
Гдѣ смѣшался съ тьмою свѣтъ,
Гдѣ межъ Бѣлою и Чорнымъ
Нѣтъ границъ, различья нѣтъ!

Но напрасны стонъ и мука,
Умирай несчастный вождь!
Не услышешь ласки звука,
Не сойдетъ на Сару дождь!....
Не подъ пальмой, подъ березой
Ляжешь ты, окончивъ вѣкъ;
И засыплетъ очи, слёзы
Не песокъ родной, а снѣгъ!.....

ВИДѢНІЕ.

XXXVIII.

ВИДѢНІЕ.

Не знаете ни дня, ни часа.
Евангелистъ Матѳій.

Въ то время трупы, огнь валились на поля;
Какъ бурный океанъ, стонала вся земля;
Кровавою струей лились моря и рѣки,
Звѣрями хищными скитались человѣки, —
И люто межъ собой вели раздоры, брань,
За первенство властей, насильственную дань.

Сгорѣли города, погибли царствъ опоры,
Шли за властителемъ рабовъ несчастныхъ своры,
Пока тирана мечь, или свирѣпый гладъ,
Узъ тяжкихъ жизни ихъ навѣкъ не разрѣшатъ.
Упалъ великій храмъ художества, науки,
Которымъ кичились такъ творческія руки,
Истлѣли хартіи закона: пепелъ ихъ
Развѣянъ бурею среди пустынь нѣмыхъ.
Всё, что носило знакъ устройства и правленья,
Сжогъ огнь разбойника, зарѣзалъ татя ножъ:
Два права сдѣлалось: покорность, угнетенье;
Закономъ — мощь была, величіемъ — грабёжъ;
Сильнѣйшій присудилъ безсильнымъ истребленье,
Иль рабство вѣчное, иль вѣчное боренье.

Тогда къ гонителямъ гонимые толпой
Пришли — и пали въ прахъ покорной головой;
Возслали страшное, какъ бури вопль, моленье,
Не правосудія просили, сожалѣнья:
« Умилосердитесь! Не убивайте насъ!
« Боговъ властителей мы обожаемъ въ васъ!
« Пошлите наконецъ измученнымъ пощаду,
« Не предавайте ихъ огню, мечу и гладу.
« За бѣдный жизни даръ, земли за малый клокъ,
« Равно отъ Господа всѣмъ смертнымъ раздѣленный,
« Мы душу отдаемъ, дѣтей, свободу, рокъ,

« Управьте дланью насъ разумной и смягчённой.
« Пекитеся объ насъ, храните отъ вреда,
Пасите мирныя и робкія стада, —
« И думайте за насъ: мысль — ваше достоянье,
« А мы умремъ въ трудахъ, свершимъ всѣ приказанья.
« Внушите, гдѣ борьба, необходимость, месть;
«Скажите, въ чемъ нашъ долгъ, въ чемъ наша совѣсть, честь
« Послушны вашему навѣки произволу,
« Орлами полетимъ по знаку, свисту, слову.» —
Мечъ бросивъ на вѣсы, на ложе лёгъ тиранъ,
Порабощеннымъ былъ миръ смертоносный данъ;
И воцарилася надъ всей землёю сила,
И сталъ великій міръ — обширная могила.
Какъ поплывётъ корабль? — Ликъ неба тёменъ, пустъ:
Нѣтъ звѣздъ мышленія, смолкъ вѣтръ попутный чувствъ;
Недвижной степію вселенная лежала,
Умъ скованный молчалъ, а сердце засыпало.

Всѣ были въ траурѣ. Торжествовала мочь,
Что полчища людей успѣла превозмочь;
Забыла истинну, грозящую киченью:
Противникъ силѣ Богъ, благотворитъ смиренью.

Въ уныньи плакалъ я. Пророковъ блѣдный сонмъ,
Давно погибнувшихъ за истинну святую,
И тѣ, которые еще живутъ, но сномъ

Зовутъ дѣла людей и нашу жизнь земную, —
Бесѣду тайную между собой вели
И ждали перемѣнъ на торжищахъ земли.

Зовъ увѣщанія, гласъ Божьяго велѣнья,
Не внемля, шли во гробъ народы, поколѣнья;
Пробилъ за часомъ часъ, изчезъ за вѣкомъ вѣкъ:
Увы! не возходилъ, а падалъ человѣкъ.
Но разновидныя, столѣтнія руины
Великолѣпныя представили картины;
Привычный для ушей предсмертный, тихій стонъ
Слился въ торжественный, гармоніозный звонъ.
Изъ праха червь возникъ, хвала изъ укоризны,
Изъ камня — ключь истекъ, изъ смерти — образъ жизни.

« Лживъ бренный человѣкъ, коваренъ, слабъ и золъ,
« Когда ведетъ его врожденный произволъ,
« Когда гроза и казнь властительнаго слова
« Не есть его дѣламъ, вождь, крѣпость и основа
« Подобно аспиду, себя самъ умертвитъ,
« Разрушитъ общество, село испепелитъ.
« Единства надобно: онъ ищетъ новость, разность;
« Отрава для него — веселіе и праздностъ;
« Работай, какъ пчела; трудись, какъ муравей, —
« Вотъ правило для всѣхъ общественныхъ людей!
« Неизмѣняемость, покорностъ — вотъ спасенье,

« Удѣлъ ничтожнаго и слабаго творенья!
« Въ бореньяхъ пусть умрутъ. И что за жизнь у нихъ?
« О хлѣбѣ, о семьѣ простое попеченье,
« Собраніе заботъ и помысловъ земныхъ,
« Тѣламъ — всегдашній трудъ, душамъ — вѣкъ усыпленье!
« Что, конча бренный свой, однообразный вѣкъ, —
« Дастъ человѣчеству подобный человѣкъ?
« На кораблѣ наукъ подниметъ ли онъ рею?
« Къ идеямъ мудрецовъ прибавитъ ли идею?
« Хотя бы вѣкъ его продлился сотни лѣтъ,
« Онъ, землю бороздя, на ней не врежетъ слѣдъ!
« Онъ носитъ самъ въ себѣ начало разрушенья,
« Онъ самъ причиною гоненья и презрѣнья;
« Для первенствующихъ пусть гибнетъ онъ. — Но мы,
« Законодатели, властители вселенной,
« Которыхъ свѣтлый умъ исторгъ изъ общей тьмы
« И Богъ постановилъ на грани возвышенной,
« Для славы будемъ жить, для счастья, для наукъ,
« Земной работою не оскверняя рукъ.
« Подавимъ классъ людей, враждующій и чуждый,
« Чернь оживимъ трудомъ, спасительною нуждой,
« Обманомъ, властію, словами и мечёмъ,
« Изъ нѣдръ бездѣйствія лѣнивыхъ извлечёмъ.
» На бѣдный грошъ сиротъ, послѣдній лептъ вдовицы,
« Поставимъ гордыя твердыни и столицы;
« Пускай имущество послѣднее народъ
« Для дѣлъ общественныхъ съ покорностью несётъ;

« Пусть люди бѣдствуютъ безъ крова, босы, наги,
« Соорудимъ столбы, гробницы, саркофаги,
« Да выкупятъ они хвалою всѣхъ вѣковъ
« Жизнь настоящую, жизнь тщетную — рабовъ.»

И воцарился страхъ. Въ нёмъ общества храненье,
Онъ къ добродѣтели насильно поведётъ;
Зачѣмъ же правду намъ завѣтъ передаётъ:
Не любитъ страха Богъ, а ищетъ убѣжденья!
Оцѣпенѣвъ земля, твердѣла и мужала,
Корыстный умъ молчалъ, а сердце воздыхало.

Тогда изъ нищеты, обмановъ и клеветъ,
Изъ алчности, вражды, убійствъ, неправосудья,
Прельщенія грѣха, соблазновъ, вѣчныхъ бѣдъ,
Торговли совѣстью и жажды златолюбья —
Изо всего, чѣмъ здѣсь питается порокъ —
Родился лживый умъ, обманчивый пророкъ.

О, страшенъ выродка отверженный былъ ликъ!
Кровавой полостью изъ устъ висѣлъ языкъ;
Жизнь, силу, красоту, величье изсушало,
Въ скотовъ безмысленныхъ людей преобращало
Прикосновеніе тлетворныхъ, синихъ губъ —
Какъ тина влажное — холодное, какъ трупъ;

Составъ, презрѣнное подобіе улитки,
Сплетали слизкіе узлы, завязки, нитки —
И тѣло мокрое, сточленное влеклось,
Ползло піявками и зміями вилось;
Безъ формы, образа на длинной, тонкой выѣ
Висѣли челюсти, лобъ, скулы костяные;
Позадь, огромностью превосходящій ростъ,
Тащился по землѣ мышиный, долгій хвостъ,
А въ ямахъ черепа, сомнительны и слабы,
Два глаза прыгали, какъ сѣрыя двѣ жабы.

Страшилищу дана надъ всей землею власть,
Но звѣри съ ужасомъ въ пустыню убѣжали,
Лишь человѣки шли, хвалили, обожали,
Не устыдилися къ ногамъ его упасть.
Имъ занята была на площадяхъ молва,
Гремѣли съ каѳедры похвальныя слова,
Во храмѣ Господа, безъ страха оскверненья,
Дымилися ему обѣты и куренья.
Порабощенъ ему корыстный сонмъ судей,
Герой съ мечемъ, мудрецъ — съ ученостью своей;
Купецъ съ богатствами и селянинъ съ сумою
Лобзали прахъ, его натиснутый стопою.
По взмаху одному губительной руки,
Шли въ битву за него безумные полки;
Учители, вожди, начальники народа,

Какъ вѣру, приняли устъ нечестивыхъ ложь;
Чтобы размножить плодъ губительнаго рода,
Ловили взглядъ его супруги всѣхъ вельможъ;
Чтобы насытить гладъ чудовищныхъ страстей,
Вели къ нему отцы сыновъ и дочерей.
Отъ материнскихъ нѣдръ до гроба — всё растлилось,
Всё съ демономъ срослось, слилося и сплотилось;
Забывъ законы, честь, природу, совѣсть, санъ —
Всё ползало предъ нимъ!, какъ ползалъ гнусный самъ.

Возсѣвъ на мрачный тронъ земли порабощенной,
Почувствовавъ въ себѣ собранье адскихъ силъ,
На всё прекрасное, какъ аспидъ разъяренный —
Онъ добродѣтели бой на смерть обявилъ;
Онъ благородство гналъ, съ величіемъ сражался
И кровію святыхъ до сыта упивался.
Томилъ онъ праведныхъ въ острогахъ и тюрьмахъ,
Влачилъ ихъ на цѣпи по стогнамъ и дорогамъ,
Топилъ, жегъ углями, дробилъ на колесахъ……
Но счастливъ и блаженъ, кто смерть вкусилъ за Бога.

О гидра! Для чего позналъ тебя нашъ міръ?
Зачѣмъ изрыгнуто къ намъ адское отродье!
Ты демонамъ роднымъ воздвигъ роскошный пиръ,
Изъ мерзостей грѣха, страстей, плотоугодья!
Ты сдѣлалъ, развратя природу и сердца,

Убійцъ изъ сыновей, тирана изъ отца;
У мудрыхъ властъ отнявъ надъ робкою землею,
Ты передалъ её насильству и разбою.
Разтерзанъ человѣкъ. — Свирѣпый крокодилъ!
Хотя бы ты его наслѣдье пощадилъ!
Подъ тяжестью ярма отмучившись народы,
Когдабъ страданіемъ спасли потомковъ роды,
О, еслибъ сгинулъ ты!.... О еслибъ дальный внукъ
Двухъ слоговъ не прочелъ, не сочеталъ семь буквъ!

Я плакалъ горестно. — Пророковъ блѣдный полкъ,
Хранящій съ облаковъ ихъ прежнюю отчизну,
И тѣ, кому дано провидѣть смертныхъ рокъ, —
По добродѣтели свершивъ съ слезами тризну, —
Пришли передъ престолъ Великаго Отца,
Кто проникаетъ глубь, и нѣдра, и сердца.

Раздался сладкій звонъ небесной арфы струнъ,
Была то пѣснь мольбы, смиренія и думъ:
«Святый и Истинный! Какъ смотришь на пороки!
«Послѣдвій, Первый Богъ! Начало и Конецъ!
«Доколѣ, Господи! суда отложишь сроки,
«Дашъ демону носить державу и вѣнецъ!
«Или въ ярмѣ грѣха вѣкъ людямъ пресмыкаться;
«Иль тщетно кровь лилась Божественнаго Агнца?
«Напрасно развѣ насъ Единородный Сынъ

« Своею смертію очистилъ, искупилъ?
« Иль въ племенахъ людей онъ сдѣлалъ раздѣленье,
« Тѣмъ счастье, власть судилъ — тѣмъ рабство и мученье!
« Не каждый ли изъ насъ — Твоихъ созданье рукъ,
« Освобожденъ цѣной Спасителевыхъ мукъ?
« Отверзи, преклони къ юдоли плача уши,
« Услышь, какъ вопіютъ замученныя души!
« Часъ жатвы наступилъ. Нечистая толпа,
« Собранье плевеловъ — ждетъ пламени, серпа.
« Возвысь же сильную, побѣдную десницу
« И устреми туда храненія зеницу,
« Гди шаръ земной, страшась увидѣть Божій зракъ,
« Запрявшились тучей въ шолкъ, гнуснѣетъ какъ червякъ.

Простертый на пескѣ, тогда я видѣлъ чудо;
Раскрылася небесъ таинственная дверь,
Крылатый, мощный духъ сошолъ ко мнѣ оттуда,
Уменъ, какъ человѣкъ; свободенъ, быстръ, какъ звѣрь.
Какъ солнце въ свѣтлый день, лице его сіяло,
Чело величіемъ и мужествомъ дышало;
Семь звѣздъ въ его вѣнцѣ — и радуга надъ нимъ
Сливала семь цвѣтовъ потокомъ огневымъ.

Враждуя съ извергомъ кровавою войною,
Онъ одолѣлъ его и придавилъ пятою,
И тѣми самыми оковами сковалъ,

Которыя тиранъ на смертныхъ налагалъ.
И заточилъ его въ безходныя бездны;
Три раза повернувъ ключь тяжкій и желѣзный,
Забросилъ въ глубину кипящую морей,
Чтобы никто опять не отперъ тѣхъ дверей.
Разсѣянъ грозный страхъ; порабощенъ мучитель,
Любви и доблести свирѣпый истребитель,
Покинуть вынужденъ ужасный свой престолъ,
Онъ удалился въ адъ, откуда изошелъ.
Иное дѣйствія и бытія начало,
Пытливый умъ нашолъ, а сердце провѣщало.....

На четырехъ концахъ вселенныя Духъ сталъ
И затрубилъ въ трубу: звукъ громомъ грохоталъ;
Развалинамъ, гробамъ гласилъ онъ обновленье —
За звукомъ дивное представилось видѣнье.....

Цари, учители, наставники племёнъ,
Вожди, правители, судьи, жрецы и маги,
Кто только на землѣ былъ силенъ, вознесёнъ,
Отбросивъ скипетры, сложивъ тіары, шпаги,
Съ престоловъ, съ каѳедры, — принявъ смиренный ликъ,
По гласу трубному, сошли въ единый мигъ.
Пошла священная процессія въ селенья,
Неся повсюду свѣтъ, науку, изцѣленья —
И преклоняяся предъ силою плотской,

Какъ нѣкогда Христосъ, державной головой:
Очистила людей пещеры и берлоги,
Омыла грязныя ланиты, руки, ноги;
Умастила, въ клочкахъ и прахѣ, волоса,
Протерла темные, болящіе глаза.
« Смиренный на землѣ — на небѣ вознесётся,
« Не для единаго талантъ богатствъ дается,
« Власть добродѣтелью свята и дорога,
« Кто большій между насъ, до будетъ всѣмъ слуга.»
Пускай сіяетъ такъ вашъ свѣтъ предъ человѣки!
Да видимъ славу въ немъ Небеснаго Отца!
Святыя имена пройдутъ страны и вѣки —
И царству вашему не узрите конца!.....

Я плакалъ, умиленъ. Пророковъ легкій строй
И тѣ, кому дано узнать путь Провидѣнья,
Воспѣли гимнъ молитвъ, хвалы, благодаренья,
Представъ предъ Господа съ кадильницей златой.
« Святъ, святъ, святъ Саваоѳъ, Егова Всемогущій,
« Нигдѣ невидимый и всюду присносущій,
« Кто всѣ міры въ рукѣ безъ тяготы несётъ,
« Безъ истощанія — всѣмъ тварямъ жизнь даётъ,
« Безъ утружденія — въ трудахъ вѣкъ пребываетъ,
« Безъ смерти — существа въ ихъ формахъ измѣняетъ!
« Равно Твоя рука премудра и легка,
« Въ твореньи Ангела, луны и червяка;

« Ни въ чёмъ тебѣ нѣтъ нуждъ, всё для тебя возможно,
« Велико — малое, огромное — ничтожно;
« Свѣтъ, проникающій громады мрачныхъ тучь,
« Лучь, ослѣпляющій собою всякій лучь!
« Мысль о Тебѣ — есть жизнь, хвала Тебѣ — блаженство,
« Работа для Тебя — есть царство, совершенство.
« Ты далъ намъ новый путь, который приведетъ
« Къ свободной истиннѣ, въ безсмертье и животъ.»

Такъ пѣли Высшіе — и всё торжествовало,
Дивился хладный умъ, а сердце ликовало.

Опять могучій Духъ на рубежахъ земли
Трубитъ въ свою трубу: отгрянулъ гулъ въ дали....,
И замерла душа въ нѣмомъ оцѣпененьѣ,
Я видѣлъ страшное, печальное видѣнье.....

Подобно какъ грядетъ бездонный океанъ
На сушу, на брега клокочущимъ волненьемъ,
Когда тѣснитъ его свирѣпый ураганъ, —
Такъ близился ко мнѣ, въ тревогѣ и смятеньѣ,
Пѣшкомъ и на коняхъ, съ мечами и съ огнёмъ,
Народовъ яростный, бѣснующійся сонмъ.
Какъ бурные столпы, неслись они, крутились, —
Сходились межъ собой и снова разходились,

Чернѣли тучею широкой, градовой,
Тучнѣли скрытною, погибельной враждой, —
Сваривъ послѣдній ядъ сердецъ своихъ въ сосудѣ,
Излили воплями: «мы тоже люди! люди!» —
И звѣрски бросились на старцевъ, мудрецовъ,
Законниковъ, вождей, властителей, отцовъ......
Всѣ тѣ, которые вели людей ко счастью,
Обуздывали зло спасительною властью,
Блуждающимъ въ грѣхахъ казали правды путь,
Надеждою святой питали бѣдныхъ грудь;
Дѣлили золото трудящимся въ награды,
Селенья строили, сооружали грады,
Блистали звѣздами въ невѣжественной тьмѣ, —
Всѣ, въ мигъ убитые, простерлись на землѣ.

Такъ водворивъ мятежъ, насилье, запустѣнье,
Въ безуміи страстей незная что творятъ,
Дѣлами темными утѣшивъ мрачный адъ,
Уснули изверги въ кровавомъ охмѣленьѣ.....

Я плакалъ въ ярости. Пророковъ блѣдный строй
Вселенной угрожалъ подъятою десницей —
И хмурилъ строгій ликъ, и помавалъ главой,
И скрылся въ безднѣ тучь печальной вереницей.

Сгарая ревностью, я къ духу приступилъ,

Упалъ къ его стопамъ, съ слезами возопилъ:
« О, удались отъ насъ, предвѣстникъ разрушенья,
« Мечъ, посѣкающій народы и страны!
« Ещель неслышишь ты, средь общаго смятенья,
« Плачь горькій Ангеловъ и хохотъ сатаны?
« На толи доблесть, умъ и правота родились,
« Чтобъ нечестивыми, какъ злакъ полей, скосились?
« На толь святую Богъ пшеницу возрастилъ,
« Чтобы строй плевеловъ её въ мигъ заглушилъ?
« Содѣянное зло на развращенномъ свѣтѣ
« Не было суждено Предвѣчнаго въ совѣтѣ!
« Изъ мрака тартара ты для людей извлёкъ
« Тягчайшую судьбу, невыносимый рокъ;
« Ты язвой заразилъ селенія и грады,
« Отъ ада намъ принёсъ враждебный, чуждый плодъ;
« Нѣтъ, никогда досель несчастныхъ смертныхъ родъ
« Не совершалъ такой губительной неправды!
« Коль добродѣтели, величія кумиръ
« Упалъ, — за нимъ во слѣдъ разрушится и міръ!
« Ахъ, эту ль мзду — трудамъ, усильямъ — награжденье,
« Себѣ готовилъ другъ добра и просвѣщенья!.....
« Оставь же насъ, молю! Иди въ сонмъ дикарей,
« Играй тамъ бурями неистовыхъ страстей,
« А намъ отдай покой, желаемый отъ вѣка!»

— Духъ загремѣлъ въ отвѣтъ: « молчи, сынъ человѣка!

« Почто смущаешся, невѣрующій прахъ!
« Дитя мгновенія, что смыслишь ты въ вѣкахъ?
« Судьбой порабощенъ, окованъ настоящимъ,
« Мечшаешь быть умомъ, свободнымъ и всезрящимъ?
« Отъ лона матери, до гроба нагъ и слѣпъ,
« Стремишься разгадать тьму Божескихъ судебъ?
« Давно ли у Творца – творенье, червь болота –
« Сталъ дерзко требовать въ намѣреньяхъ отчёта?
« Давно ли сдѣлался предъ Господомъ великъ
« Пухъ возметаемый, колеблемый тростникъ?......
« Знай: царство въ мірѣ семъ не властью и не златомъ,
« А смертію своей – купилъ Господь распятый!
« Въ творцѣ, не въ тартарѣ начало дѣлъ ищи,
« Смиряйся передъ нимъ, молися, не ропщи;
« Всё что ни сбудется, премудро и глубоко,
« Всё станетъ казнію, наградой, иль урокомъ.»

Тутъ перервавъ слова грозы и убѣжденья,
Онъ далъ мнѣ семь плодовъ, и ѣлъ плоды я тѣ:
Горьки они во рту, но сладки въ животѣ:
И были въ радость мнѣ, въ покой и въ оживленье.
Когда же тайну ихъ повѣдать я хотѣлъ,
Языкъ къ устамъ прильнулъ, слова запечатлѣлъ.

Ставъ на концахъ земли, духъ снова затрубилъ
И спящую толпу потрясъ и разбудилъ.

Встаютъ, волнуются, другъ друга вопрошаютъ,
Что сдѣлалось вчера, теперь не понимаютъ.
Лишь въ смутной памяти, какъ въ дымѣ и чаду,
Зрятъ беззаконную, преступную вражду;
Лишь повѣсть дѣлъ своихъ читаютъ съ содроганьемъ
На кровью облитомъ, раздранномъ одѣяньи......
Но кто погибъ? Когда? Отъ чьей руки? За чѣмъ?
Кто былъ виновникомъ безумныхъ перемѣнъ?
За что такъ разумъ ихъ и совѣсть укоряютъ? —
Не помнятъ — позабыть скорѣй навѣкъ жалаютъ......

Нѣтъ прибыли въ трудахъ! въ намѣреньяхъ удачи!
Забыты радости! часы проходятъ въ плачѣ!
Работа безъ плода, безъ отдыха покой
И совѣсть возится грызущею змѣей.......
Порядокъ рушился отъ споровъ и волненья,
Смѣшались языки, какъ въ дни столпотворенья;
Напрасно силится, льётъ слёзы, кровь и потъ,
Для достиженья благъ мечтательныхъ народъ:
Сошолся наконецъ, покрывъ главу золою,
На мѣсто, гдѣ лежатъ святые мертвецы,
Завопилъ горькою, но тщетною мольбою:
«Придите слова къ намъ, воскресните, Отцы!»

Напрасныя снова!.... Спятъ недвижимо мощи,
Благоухаютъ въ дни, блистаютъ свѣтомъ въ нощи,

Съ кадиломъ, съ книгою, чѣмъ кто людямъ служилъ,
За что въ мученіяхъ животъ свой положилъ.
Открытъ высокій ликъ, торжественъ и покоенъ,
Онъ принялъ тотъ покой, котораго достоинъ! —
И руки сложены надъ персями крестомъ,
Въ моленьи за убійцъ предъ мстящимъ Божествомъ!
Стопы ихъ лижетъ звѣрь, — и въ чорныхъ перьяхъ и птицы
Стадятся около, какъ грустныя вдовицы!
Не призывайте жъ ихъ къ себѣ, сыны кровѐй!
Они — на тяжкій трудъ, для счастія людей,
Не встанутъ болѣе съ послѣдней ихъ постели!
Увы! жива душа, но въ небѣ, а не въ тѣлѣ!.....

Тогда во вретищахъ, проклявши свой развратъ,
Несчастная толпа волной бѣжитъ назадъ,
И каждый человѣкъ изрылъ себѣ могилу,
За злодѣянія, себя самъ осудилъ,
И сталъ надъ ямою, и громко говорилъ:
« Плоть, Боже, умертви, но духъ спаси, помилуй!»
Какъ лѣтній прахъ съ полей, всталъ плачь ихъ до небесъ,
Подъяты длани ихъ, какъ безпредѣльный лѣсъ.
Ждутъ гнѣва Божія, какъ холмы не подвижны,
И молютъ у Творца прощенья, а не жизни!

Зло совершилося, а казнь во слѣдъ грядетъ.
Средь дня изъ — за морей ночь мрачная встаётъ.

Завѣса черная, въ одно мгновенье ока,
Покрыла высоту до запада съ востока;
Громъ оглушающій сводъ неба пополамъ,
Расшибъ....... и полилась убійцъ поголовамъ,
Горящей лавою, ручьями огневыми,
Святая кровь мужей, убитыхъ въ мірѣ ими.
Потокъ губительныхъ, молніеносныхъ жалъ
Отъ черепа до пятъ составъ ихъ прожигалъ.
Чрезъ нѣсколько минутъ, какъ чорныхъ статуй группы,
Стояли, средь живыхъ, — сгорѣвшихъ братій трупы,
Но въ мукахъ, бѣдствіяхъ невозроптала народъ,
Всякъ остается твердъ на вырытой могилой,
И жарко молится, и громко вопіетъ:
«О Господи, спаси! О Господи, помилуй!»
Казнь первая прошла, — вторая настаётъ.

Съ ужаснымъ грохотомъ сломились міра оси,
Стрѣлою полетѣвъ, качается земля;
Свирѣпый вихрь её, какъ пухъ, въ пространствѣ носитъ
И хочетъ потопить въ пучинѣ изъ огня.
Лѣса исторгнуты, крутятся дымомъ пашни,
На смертныхъ падаютъ чертоги, церкви, башни;
Перемѣнилося теченье быстрыхъ рѣкъ,
Съ домами рухнулся, водой подмытый брегъ;
Долины треснули: открыли пасть, закрыли,
Рыдающихъ людей навѣки поглотили......

Не двинулся въ живыхъ оставшійся народъ!
Не опускаетъ рукъ, подъятыхъ на моленье!
Читаетъ въ слухъ грѣхи; въ сердечномъ сокрушеньи,—
« Отецъ! прости дѣтей преступныхъ!» — вопіётъ.

Вторая казнь прошла, послѣдняя идетъ.
Вдрухъ хлынули моря ревущими волнами!
Сдавалося, земля упала въ океанъ!
Пучина шествуетъ подвижными горами
И разливается по селамъ, городамъ.
Фрегаты, корабли стремглавъ бѣгутъ на сушу,
Дабы во прахъ стéреть еще живую душу.
Акуллы и киты плывутъ, разинувъ зѣвъ,
Чтобъ поглотить тѣла. — Въ послѣдній этотъ гнѣвъ,
Казалося, никто кончины не уникнулъ:
« Прости навѣкъ земля!» — въ тоскѣ народъ воскликнулъ.

Но Богъ есть Богъ живыхъ, не мертвыхъ. Велитъ дать
На день — страданіе, на вѣки — благодать.
Какъ окропленіе чистѣйшаго иссопа
Скатился перлами съ небесъ лазурныхъ дождь,
Курится изумрудъ садовъ, полей и рощь —
И обновилася земля, какъ въ дни потопа......
Иной я видѣлъ міръ: не солнце, не луна
Вели, свѣтили въ нёмъ, а добрыя дѣла;
Не самолюбіе дѣлило, ополчало,

А жажда истинны роднила, утверждала;
Уравновѣсились съ разсудкомъ, съ правдой страсти,
Наука и любовь поставили вовѣкъ
Власть — въ добродѣтели, и добродѣтель — въ власти;
Минули націй: сталъ просто человѣкъ,
Духъ, съ тѣломъ связанный на трудъ усовершенья,
Сынъ Бога, братъ людей и первенецъ творенья.
Стремились помыслы къ единому концу,
Держава перешла къ Небесному Творцу:
Всё въ вѣрѣ, дѣйствіи, союзѣ пребывало,
Повиновался умъ, а сердце управляло;
Сводъ неба такъ былъ чистъ, что могъ *я* созерцать
Обитель горнюю и слугъ безплотныхъ рать,

Далеко отъ земли, надъ солнцемъ, надъ звѣздами,
Гдѣ умиралася стихій враждебныхъ брань,
Гдѣ время не паритъ тлетворными крылами,
Положена тварямъ матеріальнымъ грань,
Гдѣ всё величіемъ безсмертія одѣто,
Гдѣ тайна всѣхъ судебъ, гдѣ царствіе всѣхъ царствъ, —
Воздвигнулся престолъ: на нёмъ почіетъ **НѢКТО**,
Древнѣе вѣчности и Болѣе пространствъ.....
По сторонамъ сидятъ на свѣтлыхъ возвышеньяхъ
Водившіе народъ въ земныхъ переселеньяхъ
Путями правыми, — наставники, цари,
Въ вѣнцахъ изъ радуги, изъ солнца, изъ зари.

Кругомъ, какъ бы съ морей воставшіе туманы,
Проходятъ, движутся Пророки — Великаны.
Горятъ огнемъ любви, какъ жертвенниковъ рядъ,
Тѣ, коихъ злость людей за истинну избила,
У трона Вышняго хваленій дымъ курятъ,
Исправясь передъ нимъ, какъ свѣтлыя кадила.
Летаютъ Ангелы, средь облачныхъ зыбей,
Какъ бѣлоснѣжныя станицы голубей.

Вдругъ воинство небесъ побѣдный гимнъ воспѣло,—
Гармонія текла, блистала и гремѣла, —
« О дѣти свѣтлые единаго отца!
« Къ подножію Его совсѣхъ концевъ вселенной
« Слетимся! Разумы, и души, и сердца,
« Вѣка безплотные и тѣла срокъ мгновенный —
« Всё наше существо въ единый звукъ включимъ,
« Воскликнемъ Богу пѣснь, воскликнемъ, не смолчимъ!..
« Кто болѣе Его? Кто такъ премудръ и благъ?
« И еслибъ Онъ вовсемъ величьи показался,
« Не перенесъ бы міръ! смутясь, заколебался,
« И обратился бы въ ничтожество и прахъ!
« На что Всесильному и солнца и луны,
« Кометы, сонмъ планетъ, звѣздъ млечная дорога;
« Міры не для Его потребъ сотворены,
« Какъ могутъ пополнять созданья цѣлость Бога?
«Безъ нихъ Онъ совершенъ, безъ нихъ Онъ вѣчно — Сый,

« Злоненавидящій, Свободный, Трисвятый!
« Не нужда — благость лишь святаго произвола
« Токъ жизни излила отъ вѣчнаго престола.....
« Но все мы, Господи! не тлѣнъ передъ Тобой!
« Мы дѣло рукъ Твоихъ, напрасно не творящихъ,
« Предметы для очей, на всё ко благу зрящихъ,
« Благословилъ Ты насъ великою судьбой!
« Высокое умомъ мы властны понимать,
« Итти стезей трудовъ, добра и улучшенья,
« Дѣлами правыми платить за сотворенье,
« Къ высокому, къ Тебѣ душами достигать.
« Присвой насъ! Отними и вѣру, и мечты;
« Законы, правила, земныя мудрованья,
« Довольно мы отъ нихъ, во дни существованья,
« Терпѣли горестей, волненій, суеты.
« Будь нашей мудростью, закономъ и вождемъ!
« Пусть день и ночь тебѣ немолчно вопіемъ:
« Святъ, святъ, святъ, Саваоѳъ, міровъ и душъ Содѣтель,
« Творенія Отецъ, Правитель, Благодѣтель!»

Когда жъ окончило гимнъ воинство небесъ,
Въ порфирахъ и вѣнцахъ цари востали съ мѣстъ,
Приблизились, главы сѣдыя обнажили,
Передъ Почіющимъ на тронѣ пали въ прахъ,
Къ подножію Его короны положили
И исповѣдали въ торжественныхъ словахъ:

« Достоинъ Ты вовѣкъ любви и прославленья,
« Державы, скипетра, властей, повиновенья,
« Могущества и силъ: зане лишь Ты единъ
« Царь истинный, Творецъ, Отецъ и Господинъ!»

Щ. 1836.

КОНЕЦЪ.

140